

ВИКТОР НИКОЛАЕВИЧ КОВАЛЕНКО

Председатель Харьковского городского
союза ветеранов Афганистана

Дорогие друзья! Пятнадцатого февраля все воины-интернационалисты, их друзья и близкие будут отмечать День чествования участников боевых действий на территории других государств.

Безусловно, признание этого дня государственным праздником Украины через 15 лет после завершения вывода советских войск из Афганистана не вернет родителям погибших сыновей, не улучшит благосостояние семей погибших и вернувшихся живыми. Но, тем не менее, это одна из побед «афганцев» в социальной защите своих интересов. И мы видим сегодня, что в одиночку нам сложно отстаивать свои законные права. Только вместе, плечом к плечу, объединившись в монолитную организацию, можно добиваться решения насущных, жизненно важных проблем, как своими силами, так и с помощью государственных административных структур.

Восемнадцать лет прошло с того момента, когда советские солдаты вернулись на родную землю, и все эти годы мы свято храним память о боевых побратимах, чтим отцов и матерей погибших и помогаем друг другу в трудную минуту. И ничто, пока мы живы, и пока о нас будут помнить наши наследники, не сможет разрушить крепкую мужскую дружбу, проверенную в боях. С праздником вас, интернационалисты!

СОДЕРЖАНИЕ

▶ В ДЕНЬ ПАМЯТИ	3
▶ ИНФОРМАЦИЯ ПОБРАТИМОВ	6
▶ ПО СТРАНИЦАМ СМИ	7
▶ ПОИСК ОДНОПОЛЧАН	7
▶ ПОМНИМ И СКОРБИМ	8
▶ ОДИН ИЗ НАС. АНАТОЛИЙ ШЕВЦОВ	10
▶ РАССКАЗ ПО ТЕМЕ	13
▶ ИСТОРИЯ ВЫВОДА ОКСВА	14
▶ ПЕРВИЧКА. «ЕГИПТЯНЕ»	16
▶ ПЕРВИЧКА. «ВЬЕТНАМЦЫ»	19
▶ АФГАНСКАЯ ВОЙНА	20
▶ ИСТОРИЯ АФГАНИСТАНА	26
▶ РАБОТА С ИНВАЛИДАМИ	28
▶ СТАТЬЯ РЕДАКТОРА	30
▶ ФОТОРЕПОРТАЖ	32

ИНФОРМАЦИОННЫЙ ЖУРНАЛ
ХАРЬКОВСКОГО ГОРОДСКОГО
СОЮЗА ВЕТЕРАНОВ АФГАНИСТАНА
(воинов-интернационалистов)

ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТ

Редакционная коллегия

Виктор КОВАЛЕНКО
Виктор БОРЗОВ
Юрий ЛЕДЕНЕВ
Жанна МИТРОХИНА

Редактор

Николай ХОРОШЕВ

Дизайн и верстка

Пресс-служба ХГСВА

Редакция не несет ответственности за содержание рекламных материалов.

Мнение редакции не всегда совпадает с мнением авторов. Ответственность за достоверность информации несут авторы.

Материалы печатаются на языке оригинала. Редакция оставляет за собой право использовать их, редактировать и сокращать на свой взгляд.

Письма, рукописи, фотоматериал не рецензируется и не возвращается. Переписка с читателями только на страницах журнала.

При использовании материалов ссылка на журнал обязательна.

Журнал зарегистрирован в Управлении по делам прессы и информации Харьковской облгосадминистрации.

Свидетельство о регистрации
серия ХК №1142 от 18.04.2005 года

Издатель: Харьковский городской союз ветеранов Афганистана (в-и)

Адрес редакции:

Украина 61003 Харьков,
пер. Короленко, 19
Тел. (057) 731-11-19
Факс (057) 731-29-18
E-mail: hgsva@tnss.kharkov.ua
Интернет: <http://www.hgsva.tnss.kharkov.ua>

The address of edition of magazine «Internationalist»:

Ukraine
The Kharkov city union of veterans of Afghanistan
(soldiers-internationalists)
Lane Korolenko, 19
61003 Kharkov

При подготовке номера использованы фотографии пресс-службы ХГСВА, фотохудожника Леонида Куликова, с диска ветеранов-«афганцев» «Дембельский альбом»

Отпечатано:

в типографии «Золотые страницы»
г. Харьков, ул. Космическая, 26
Тираж: 3000 экз.
Бесплатно

Для харьковских «афганцев» уже стало доброй традицией в день ввода войск встречаться в киноконцертном зале «Украина». Потому что именно здесь и именно в этот день третий год подряд в ККЗ «Украина» выступает легендарный ансамбль воздушно-десантных войск России «Голубые береты».

Несмотря на плотный концертный график, коллектив ансамбля умудряется завершить свой «концертный год» именно в Харькове. Предлагаем вашему вниманию эксклюзивное интервью специально для журнала «Интернационалист», записанное перед концертом, и небольшой экскурс в историю.

ЧЕТВЕРТЫЙ КОНЦЕРТ «ГОЛУБЫХ БЕРЕТОВ»

- Сегодня ваш четвертый визит в Харьков в течение трех лет. Чем, на ваш взгляд, Харьков отличается от других городов, где вы успели побывать с концертами?

Бессменный руководитель ансамбля Яровой Сергей:

- Это уже стало доброй традицией: 27 декабря в день ввода войск в Афганистан – мы приезжаем в Харьков по приглашению городского союза «афганцев». Виктор Коваленко сплотил вокруг себя прекрасную команду единомышленников, с которой у нас установлены крепкие взаимоотношения.

А по поводу каких-то отличий... В принципе, наши люди, славяне, везде одинаковые. Хотя, когда приезжаем с гастролью в Сургут или в Ханты-Мансийск, то там украинцев можно встретить чаще, чем у вас. Хотя, возможно, на севере народ более добрый, открытый. Наверно, это можно объяснить тем, что условия жизни более тяжелые. У нас ведь как принято: чем труднее людям, тем дружнее они живут. А когда все слишком хорошо – в разные стороны народ разбегается.

- Есть ли у вашей группы любимая, чаще всего исполняемая песня? Может быть, «Синева»?

- «Синева» – это не любимая песня. Это гимн десантников, тех, кто проходил военную службу в голубых беретах. Наши ребята есть везде. Например,

здесь в Вооруженных силах Украины, ребята-десантники утром встают, слушают национальный гимн, а потом — «Синева».

- У артиста – вся жизнь на колесах. А как относятся семьи – жены, дети – к постоянному отсутствию главы семьи?

- Жены давно уже привыкли к нашей работе. Они понимают: если есть у мужика любимая работа, любимое дело, то все у него хорошо. А дети у нас уже выросли... Праздники тоже в основном проводим на гастролях. Я, например, уже и не перечислю все города, где отмечал свой день рождения.

- Расскажите, пожалуйста, о каком-нибудь интересном случае, который запомнился более всего...

- Сразу сказать сложно... Ну, например, мы прилетаем в Тель-Авив, и вдруг я встречаю пацана, с которым мы еще служили срочную службу в Кировоградской бригаде... Вот после таких встреч начинаешь понимать, насколько тесен мир.

В нашу беседу вступает автор многих песен «Голубых беретов» Слатов Юрий Алексеевич:

- Больше всего для всего коллектива, наверное, запомнился момент, когда мы видели в Магадане китов. Даже местным жителям редко удастся увидеть близко настоящих китов-касаток. И это просто незабываемое впечатление, когда ты видишь, как эта громадина так мягко переваливается в воде! И одним

движением громадного хвоста просто разбрасывает маленькие лодочки с рыбаками. По сравнению с этой машиной чувствуешь себя «ничтожным муравьишкой» на земле.

А второе незабываемое впечатление – это посещение в Иерусалиме храма Гроба Господня. Хотя все мы не такие уж и верующие, но в тот момент мы оказались в центре, где творилась история. Буквально кожей ощущалось, как здесь века назад проходили кочевники, как шли освобождать Гроб Господень крестоносцы...

Из истории «Голубых беретов»

Днем рождения ансамбля «Голубые береты» считается дата их первого концерта – 19 ноября 1985 года. Однако появлению группы предшествовал спор. В начале 1985 года ЦК ЛКСМ Белоруссии в порядке шефской помощи прислал в Кабул, в подарок 103-й воздушно-десантной дивизии, комплект музыкальных инструментов и аппаратуры для вокально-инструментального ансамбля. Это богатство хранилось в клубе артиллерийского полка под надежной охраной политработников дивизии. Желающих создать свой ансамбль было достаточно во всех полках, поэтому секретарь комитета ВЛКСМ 350-го ПДП старший лейтенант Сергей Яровой внес предложение: кто за неделю подготовит концерт и выступит перед солдатами – тому и достанется аппаратура. Идею одобрил командир дивизии, тогда еще полковник, а в будущем – генерал армии, Герой Советского Союза, министр обороны РФ – Павел Сергеевич Грачев.

Начались репетиции. В «полтиннике», а именно так называли в Афгане 350-й десантный полк, собрался первый состав будущего ансамбля: руководитель – Сергей Яровой, старшина роты – прапорщик Олег Гонцов, командир отделения – сержант Сергей Исаков, механик-водитель боевой машины – рядовой Игорь Иванченко и рядовой Тарих Лысов. Инициативу ребят создать свой ансамбль всей душой поддерживали командир полка полковник Г.С. Борисов и его заместитель по политической части подполковник В.А. Казанцев. Но командиры поставили одно условие – репетировать в свободное от службы время, а это значит – ночью.

Ночью, так ночью. Очень уж хотелось заняться музыкой и порадовать своих боевых товарищей по полку, у которых из редких развлечений между боевыми действиями были только старые фильмы, прокрученные по нескольку раз. Тем более что у Сергея Ярового уже был опыт выступлений в вокально-инструментальном ансамбле: десятки концертов в составе группы «Горение» Новосибирского высшего военно-политического училища, которое он закончил.

На первом ночном сборе у будущих музыкантов сразу разгорелся спор о названии группы. Олег Гонцов предложил – «Зеркало» или «Осень», именно такие имена были модны у «продвинутых» музыкальных коллективов середины 80-х. Яровой же, вспомнив, что в Кировоградской бригаде спецназа, где он служил «срочную», был самодеятельный ансамбль «Голубые береты», высказал мнение, что у десантного ансамбля должно быть десантное на-

звание. Так и решили – «Голубые береты». Выбирая песни для первого концерта и памятуя, что срока всего неделя, решили пойти по пути наименьшего сопротивления: подготовить известные композиции от репертуара Аллы Пугачевой до «Машины времени». Отрепетировали и самую популярную у десантников песню «Синева» в аранжировке Сергея Ярового.

На концерт в клубе «полтинника» собрались все свободные от службы солдаты и офицеры, прибыли гости из соседних полков, пришли служащие и работающие в дивизии женщины. Зал был переполнен.

Несмотря на то, что ребята волновались, концерт прошел на «ура». Зрители устроили своим музыкантам такие овации, что начальник политотдела дивизии тут же принял решение оставить музыкальные инструменты именно им.

А на следующий день после концерта все участники группы ушли «на войну». Десантники подошли к новоиспеченным музыкантам, благодарили за доставленное удовольствие, и почти каждый просил: «Мужики! Вы бы про нас что-нибудь спели, вот в нашей роте... а у нас, саперов... а мы, связисты...». Сергей Яровой понял, что его друзьям нужен не только свой полковой ансамбль, но и свои, близкие сердцу песни. С этого момента в репертуар «Голубых беретов» стали входить собственные «музыкальные истории» – песни о погибших ребятах, о родном полку, о службе в десантных войсках.

Первые самостоятельные песни группы – «Память», «У опасной черты», «Десант уходит в прорыв», «Голубые береты», «Сerpантин» – сразу стали популярными у всех, кто служил в Афганистане. Тем для творчества было предостаточно: погиб на боевом выходе полковой врач, замечательный офицер А. Костенко – через несколько дней появилась новая песня, восстали наши военнопленные в Пакистане – была написана песня об их подвиге, «дембеля» улетают домой – появилась песня про «серебристый самолет», начальник связи батальона Панченко получил выговор – написали песню о мужественных

связистах. Редко новое сочинение входило в репертуар группы без ожесточенных споров.

В 1986 году на телевизионные экраны Советского Союза вышла новая передача – Всесоюзный конкурс «Когда поют солдаты». Успех ее был ошеломляющим: еще никогда с экрана не звучала «настоящая» солдатская песня. Создатель и бессменный редактор этого телевизионного Конкурса Регина Ильченко талантливо соединила на одной сцене выступления простых солдат и офицеров со «звездами» советской эстрады. В Останкино приходили сотни тысяч писем со всей страны в поддержку того или иного исполнителя. Во время концерта зрители в зале голосовали разноцветными карточками, принося своим решением бешеную популярность то капитану-моряку, то лейтенанту-десантнику, то сержанту-танкисту или ансамблю ПВО.

1 марта 1987 года вычищенные и наглаженные «Голубые береты» прибыли на Кабульский телевизионный центр. Их уже ждал политический обозреватель советского телевидения в Афганистане Михаил Лещинский. К этому времени поменялся состав группы: вместо убывших Иванченко и Исакова пришли Марат Абашеев и Александр Рогачев. Именно этот состав записал первые профессиональные фонограммы. Без которых съемка на телевидении была тогда невозможна. Хотя «профессиональными» в полном смысле этого слова назвать их можно было с большой натяжкой.

И вот наступил звездный час Всесоюзного конкурса. Для всех зрителей, которые собрались в Москве на стадионе «Динамо», где проходила запись телевизионной передачи, выступление десантного ансамбля из воюющего Афганистана стало настоящим шоком. Когда пели «Голубые береты» в пятидесяти зал стояла мертвая тишина. А когда смолк последний аккорд, разразилась настоящая буря. Еще до объявления результатов конкурса в победе десантников никто не сомневался.

Но самое интересное, что в самом Афганистане передачу увидели почти на месяц раньше, чем в Союзе. Кабульский ретранслятор каким-то чудесным образом умудрился показать в прямом эфире и запись передачи, и телемост.

Так любительский «солдатский» вокально-инструментальный ансамбль совершил свой шаг в профессиональную музыкальную жизнь, которая длится до сих пор. После этого начались действительно профессиональные записи настоящих концертов. География гастролей ансамбля охватывает не только территорию бывшего Советского Союза, но и дальше зарубежье.

За эти годы не раз менялся состав «Голубых беретов»: кто-то, заканчивая «срочную», уезжал домой, на его место приходили другие. Пока, наконец, с окончанием службы, состав не утвердился в его постоянном составе: руководитель ансамбля Сергей Яровой, лидер-гитарист Дмитрий Вахрушин, директор ансамбля и автор песен Юрий Слатов, ударник Егор Сердечный, гитарист Денис Платонов.

В декабре 2004 года Президент России Владимир Путин подписал Указ о присвоении Почетного

звания «Заслуженный артист России» Денису Платонову и Дмитрию Вахрушину. Ансамбль «Голубые береты» стал единственным творческим коллективом в Вооруженных Силах, где все участники носят это звание.

Дискография ансамбля «Голубые береты»

- «Голубые береты» (1987 г.)
- «Память» (1988 г.)
- «Вот и кончилась война» (1990 г.)
- «От войны до войны» (1994 г.)
- «Эх, доля...» (1996 г.)
- «Грустит настольный календарь» (1997 г.)
- «Память. Избранное» (2000 г.)
- «Раненный город» (2002 г.)
- «Посвящение» (2005 г.)

Н. Хорошев, В. Степкова, Л. Куликов (фото)

Харьковский городской союз поздравляет Александра Кирко с выходом в свет его поэтического сборника «Половина сердца», и сердечно благодарит за присланный в наш адрес экземпляр!

Наши боевые братья из города Золотоноша Черкасской области регулярно присылают в редакцию письма с рассказами о работе и мероприятиях их организации. К сожалению, информация подкреплена принтерной распечаткой фотографий, а качество печати принтера не позволяет их использовать в полном объеме.

Шурави, присылайте, пожалуйста, оригиналы фотографий.

А мы предлагаем вниманию наших читателей информацию об одном из значимых событий в жизни «афганцев» Золотоноши.

Бронзовий Птах

Вибух міни зупинив життя, осколки вп'ялися в тіло, збили панаму, пробіли флягу, зрізали підсумок з магазинами. Воїн намагався руками вхопитися за небо. Аж тут з'явився птах, який став із загиблим як одне ціле. Вони разом за допомогою пташиних крил піднялись у височинь...

Погода у цей день виявилась гарною, як на замовлення. Сонячні промені грали на бронзі пам'ятника загиблим воїнам у Афганістані, відкриття якого відбулося 3 листопада 2006 року у Меморіальному парку міста Золотоноші. Шестеро представників Золотоніщини, не повернувшись з афганської війни:

рядовий Микола Ясир - загинув 24 серпня 1981 року;
рядовий Олександр Воронович - 8 червня 1982 року;
рядовий Юрій Корзун - 25 серпня 1983 року;
сержант Сергій Нос - 21 вересня 1983 року;
старший лейтенант Олександр Невмивака - 21 квітня 1987 року;
рядовий Віктор Харина — 1 вересня 1987 року.

Двадцять сім хлопців пішли із життя після повернення з війни.

*І сонце пекло нас промінням своїм,
І шкіру здирив хижий вітер,
І душі вселялися в білих птахів
І смерть починала радіти...*

Кажуть, що душі загиблих воїнів перетворюються на білих птахів, які піднімаються у височинь, можливо, туди, де краще життя. Хочеться надіятись. Такий був задум пам'ятника, рішення про спорудження якого прийняло правління Золотоніської міськрайонної спілки ветеранів Афганістану (воїнів-інтернаціоналістів), на чолі з головою спілки Григорієм Шкурком, і на плечі якого лягла вагома частина цієї роботи.

Пам'ятник створив наш земляк, відомий скульптор Георгій Чуенко. Допомогу у його побудові надали: народний депутат Б. Губський, учасники бойових дій С. Федоренко та О. Васильєв, група компаній «Укрроссучкор», Золотоніська міська рада, Золотоніська районна державна адміністрація, В. Дятченко (голова правління машинобудівного заводу ім. Лепсе, де виготовлявся пам'ятник), В. Лук'янець (генеральний директор ДП «Златодар»), О. Журба (директор СТОВ «Пальмира»), Ф. Овдієнко (директор Золотоніського коопзагтовиробторгу), О. Саранюк (голова АТ ВАТ «Золотоношаагропостач»), Баришівська зернова компанія, підприємство «Сільвер Фуд», В. Шестопал (директор ДП «Красногірське»), М. Левченко (учасник бойових дій, приватний підприємець), О. Каптановський (приватний підприємець), ВАТ «Золотоношамясо», ВАТ «ЛГЗ «Златогор»».

Багаторічні мрії, кропітка робота, і ось він є — Бронзовий Птах.

У відкритті пам'ятника взяли участь керівництво міста та району, заступники голів облдержадміністрації та облради, Ю. Зубко — народний депутат заступник голови УСВА, голова правління Всеукраїнської спілки громадських організацій «Народна рада» Н. Лукашевич, голова обласної спілки УСВА О. Рибченко, родичі загиблих, учасники бойових дій Золотоніщини, делегації з Канева, Борисполя, громадськість міста. Освятив пам'ятник настоятель Свято-Успенського собору отець Ярослав. Коли звучала панахида за загиблими, здається, зачмерло і повітря.

Право відкриття пам'ятника було надано кавалеру ордена Червоної Зірки В. Буженку та Г. Шкурку, що було зроблено під мелодію «Монолог пілота «Чорного тюльпана» та постріли салюту. На мітингу були вручені грамоти облради та облдержадміністрації і грамоти та медалі УСВА.

Квіти біля пам'ятника... Сподіваюсь, що так і буде завжди. Будуть до нього іти і молодята, і діти з шкіль та інших навчальних закладів, і жителі нашого Златокраю, і всі, хто приїжджає в місто, і, обов'язково, учасники бойових дій.

Постоїмо, поміркуємо, попросимо пробачення за те, що не врятували їх, згадаємо бойових побратимів, бо воїн, як відомо помирає не тоді, коли загинув, а коли про нього забувають. А з пам'ятника Бронзовий Птах відлітає в майбуттє...

Анатолій Скрипник

Блин! Шурави, ну вы даете! Да у вас журнал не хуже, чем в Питере! А там поддержка и Матвиенко, и Путина. И печатают они журнал в Финляндии. А вы здесь!

Молодцы! Виктор, Николай — так держать!

Ваш «Интернационалист» №4-5 мне подарили в Луганске. О себе: служил в Джелалабаде, 335 отдельный вертолетный полк (1985-86 годы), офицер боевого управления. С 1996

года живу в Ялте. Член союза журналистов. Пишу об Афгане, армии и о Луганском ВВАУШ. Свои избранные статьи передал Луганским «афганцам».

Не знал, что вы такие большие, богатые и умные... Искренне завидую «по белому» — вас в Харькове много, а я борюсь в одиночку...

С искренним уважением, **Леонид Москаленко**

Украинская армия до 2010 года полностью перейдет на контрактную основу. По данным Минобороны Украины, в настоящее время численность военнослужащих по контракту — 37 700 человек, что составляет 38,6 процента от штатной численности должностей рядового и сержантского состава. Укомплектованность экспериментальных воинских частей контрактниками в среднем составляет 68 процентов.

Нодо 2010 года еще далековато. Интересно, в свете новой миротворческой миссии в Афганистан поедут украинские контрактники или военнослужащие срочной службы?

Как давно мы не были в Афгане...

***

Американские солдаты недовольны внешним видом новых защитных костюмов (см. фото внизу), которые поставляются в Ирак, сообщает Telegraph.

Они предназначены для защиты стрелков военных внедорожников Humvee от пуль, осколков и жары.

Каждый костюм оснащен усиленными броневыми вставками, а также системой охлаждения. В защитную одежду вшиты специальные гибкие трубки, по которым циркулирует охлаждающая жидкость из кондиционеров внедорожников, к которым «подключаются» костюмы.

Индивидуальные системы охлаждения были разработаны в научно-исследовательском центре сухопутных сил TARDEC (Tank Automotive Research, Development & Engineering Center) совместно со специалистами из Natick Soldier Center.

Сами костюмы были изготовлены на основе средств для разминирования.

В Ираке новую одежду называли «космическими костюмами инопланетян» (alien spacesuits). Между тем многие из тех, кто опробовал эту одежду, жалуются на ее внешний вид, который, по их словам, делает каждого стрелка похожим на «придурка».

Они также высказывают претензии к разработчикам системы охлаждения, которая, как утверждают солдаты, слишком часто выходит из строя.

Впрочем, по мнению тех, кто испытывал эту защитную одежду в действии, она вполне обеспечивает надлежащую защиту для пулеметчика от осколков.

По словам военнослужащего военной полиции, эти костюмы спасли, как минимум, троих пулеметчиков, когда рядом с их «Хаммерами» сработали самодельные взрывные устройства.

ПОИСК ОДНОПОЛЧАН

Ищет **Леонид Москаленко**

Крым, Ялта

пер. Достоевского, 7-А, кв. 1

тел. 8-0654-26-07-03

моб. 8-095-633-93-33

Прошу откликнуться Петра Федоровича Горбунова (сейчас предположительно п\п-к или п-к запаса), служившего на ЦБУ 66 ОМСБР в Дзелялабаде в 1984-86 годах, или тех, кто знает его координаты.

Ищет **Игорь Киселев**

k-samson@k66.ru

Здравствуй! Пишет вам Игорь Киселев. Я служил в Афганистане в разведвзводе в 1987-1989 годах (пер. Рабати-Мирза). Помогите, пожалуйста, разыскать Александра Чикова, с которым мы вместе служили. Я знаю, что раньше он жил или живет сейчас в Харькове на ул. Служебной, в доме 75-73.

Саня, буду признателен, если отзовешься!

Ищет **Игорь**

gardez@krapka.dp.ua

моб. тел. 8-067-630-55-65

В\ч п\п44653 Бараки, барак 4 бат. спецназ 3 рота 4 взвод. Кировоградский призыв 1984-1986 весна. Формировались из разведки Кировоградского и Чучковского спецназа в августе 1984 в Федоровке. 6 сентября из Канатова поездом на Термез. 20 сентября 1984 г. батальон вошел в Афган через Хайратон своим ходом на Баграм. Первая потеря осенью 1984 г. — ряд. Повея (Чарикарская зеленка). Той же осенью из нашей 3-й роты погибли на Чарикаре Лютиков и Кривошея. В марте 1985 г. бат. ушел на Бараки. Там мы и начали «долбить» караваны, копать землянки и строить бани. Потери нашего 4-го взвода: Сушко Дима, Мищенко Витя 30 июля 1985 г. Батальон часто обстреливали ЭРСами и минами. 2-й роте 1-му взводу осенью 1985 мина при обстреле попала в палатку. Погиб Карплюк, и чеченец (имени не помню). Кстати из моей роты Рамзан Дадаев уволился домой в Чечню. Жив ли после чеченской войны? Первый караван забила 3-я рота на Дубанди в марте 1985 г. В горах еще снег лежал на перевале. Мой первый караван был 14 апреля 1985 г. (на Пасху). Ком. группы был Николенко (Никола). Трое суток ждали. Зам. ком. взв. Сатиренко выстрелил ракетницу и пошла жара.

Немного о руководстве батальона: наши отцы командиры — комбат Резник, ротный Смирнов (с 1985 — зам. комбата), взводные Иванов (с 1985 — нач. разведки) Николенко (с 1985 — нач. штаба), Ситников, старшина Гапончук, замполит Суковатых, зампотех Кузаев, нач. разведки батальона в 1984 — Докучаев. Летом 1985 г. ком. 3-й роты стал Качанов Саша родом из Умани. Он получил ранение в районе Альтамура в 1985 г. осенью. Мы были на проческе кишлака и попали под обстрел. Крепкий мужик. Обошелся без госпиталя. Пономарев из «шилки» окраину этого кишлака в пыль разнес. На Альтамуре погиб из 1-й роты Христенко из Днепра. Из группы связи осенью 1985 погиб Заур (дагестанец)...

20 лет прошло, а будто все было недавно... Отзывайтесь, однопольчане. Союза хоть и нет, но мы то есть!

ПОИСК ОДНОПОЛЧАН

Имя твое – интернационалист. Подвиг твой — бессмертен

Не ищите: нет похожего нигде.

Кровью плещутся тюльпаны по земле

Здесь в пыли скалистых гор тугой аркан

А по-русски будет коротко - Афган.

Каждый из них входил в Афганистан с полным осознанием своей интернациональной миссии, и не их вина, а скорее беда каждого из них, что оказались вовлеченными в боевые действия, которые набирали обороты. У всех у них разный возраст, должности и воинские звания, у многих перед армией уже была профессия, но все они очень похожи – это бескорыстные, отзывчивые парни, верные дружбе, это лучшие люди поколения шестидесятых. Они летали в горячем и тревожном Афганском небе, ездили по заминированным дорогам, кормили женщин, стариков и детей. Думаю, что очерки о подвигах погибших – и в целом наш журнал – нужен, прежде всего, сверстникам наших сыновей, тем, кому предстоит служба в вооруженных силах. Мальчики, взгляните пристальнее в лицо вашего сверстника – снайпера Владимира Марченко, и задумайтесь. Я надеюсь, что вы всем сердцем поймете, как надо исполнять воинский долг...

Каким он был, харьковчанин Володя Марченко? Что определило его жизненную позицию? Окончил харьковскую школу и профтехучилище, работал в механическом цехе завода тракторных двигателей слесарем-инструментальщиком 4 разряда. Отец, Дмитрий Тихонович, привил ему любовь к слесарному делу. Володя мечтал поработать в составе археологической экспедиции на раскопках под Харьковом, увлекался историей, химией, космонавтикой.

Из дневника: «Сделал некоторые подсчеты. Вышло, что продолжительность жизни на земле – 60-70 лет – не предел, на орбите она больше – 120-140 лет...»

Окончил школу ДОСААФ и получил еще одну, но уже военную специальность – водитель БТР. Особое пристрастие Володи – пулевая стрельба и результат – 1 разряд и член судейской коллегии. Он не любил выделяться и отличался особой сдержанностью в поведении. Будучи в армии, все два года переписывался с военруком училища. После армии свою дальнейшую жизнь связывал с военной профессией.

Уважение педагогов и товарищей, а позже, военных побратимов и командования характеризует Володю как человека цельного и мыслящего, четко осознающего, что человека ценят не по прожитым годам, а по его делам. И последнюю перед армией зарплату, Володя перечисляет в Фонд Мира...

В армию Володя был призван 1 апреля 1982 года Московским военкоматом. Назначение – Термез, учебный центр. Наказ отца – солдатской дорогой иди честно и прямо – помнил. Многие родители ездили к сыновьям на присягу. Собрался в дорогу и отец Володи. Как описать встречу с сыном? Никто хорошо вспомнить не может. Только глаза, все помнят эти удивленно-радостные глаза повзрослевших сыновей

- Папа, я тебя увидел, когда ты только к КП подошел!

- А я тебя, сынок, не узнал.

Комсорг взвода, один из лучших водителей подразделения с благодарностью от командования подразделения родителям за воспитание сына – вот с такой характеристикой снайпер Владимир Марченко в январе 1983 года получил назначение в в/ч п/п 65753, которая дислоцировалась под Кундузом. «Если хочешь жить как туз, поезжай служить в Кундуз» — ходила среди солдат такая поговорка. К сожалению, Владимир о службе писал мало, почти ничего. И резюмировать, была ли его служба маслом — мы не будем...

Скупая сводка казенных слов описания конечного, последнего боя. В полугодовой военной биографии этого крепкого и выдержанного парня – 14 боевых операций, 16 засад. Именно ему в рейдах доверяли рацию, знали, что связь со своими в надежных руках.

Из письма Володи: «Здесь, в Афганистане, я понял, что такое настоящая солдатская служба. Пусть тяжело, но не жалею, что попал сюда. Здесь я многому узнал настоящую цену: дружбе, а главное – жизни». Такие строки часто читаю в солдатских письмах. 13 июля 1984 года Владимир Марченко в составе мотострелковой роты вышел на боевую операцию в кишлак Бана, где были обнаружены мятежники. Военный опыт подсказал выгодную позицию на одной из высот. В ходе боя меткие выстрелы снайпера уничтожали одного мятежника за другим. Но и пули душманов охотились за стрелком и... Ранение Володи оказалось смертельным.

Из письма старшего лейтенанта К.М.Бороздина, который в ходе этого боя был тяжело ранен: «Банда удирала от нас через перевал. В моей памяти остался огонь, взрыв... больше ничего не помню. Володя все время стоит у меня перед глазами. Знайте, мне Ваш сын очень дорог...»

Живая память о Володе в наших сердцах, в его честь, в память о лучшем и надежном друге, в память об общих увлечениях, Владимиром назвал своего сына Саша Тихонюк, школьный друг Володи Марченко.

Орден Красной Звезды, которым Владимир Марченко награжден посмертно, вручили родителям Володи — Дмитрию Тихоновичу и Галине Ивановне.

В память о сыне в 1985 году Дмитрий Тихонович и Галина Ивановна взяли на воспитание из Люботинского интерната и усыновили тринадцатилетнего мальчика – Михаила, худого, желтого, изголодавшегося – сколько видел, столько ел, и все тихонько шептал «мама, папа» привыкал к их звучанию. Всю любовь они отдали и этому мальчику. Михаил окончил школу, потом техникум, пошел работать и первую зарплату принес маме. В народе говорят: пришла беда, открывай ворота. Звонок из Дергачевского отделения милиции. И страшная весть: убит Михаил. Я часто задумываюсь, что же дает нам силы пережить такую беду и дает силы поддерживать семьи погибших ребят? Не замкнуться в своем горе, а объединить нас всех и создать один из первых на Украине Харьковский Комитет семей военнослужащих, погибших в Афганистане? Дмитрий Тихонович был первым председателем Комитета и руководил им до последнего дня 20 сентября 1991 года. Его сердце не выдержало этой боли.

Афганистан – это уроки трагедии, которые не должны повториться

«...Афганская революция – это борьба за право на прогресс общества против нищеты, угнетений. Она должна была выволочь страну из многовековой дремы и дать народу демократические свободы...» Но этого не произошло. Здесь, в Афганистане, война пушек и война словесная калечила тела и души. Возникла необходимость создания в армии агитационных пропагандистских отделов, которые должны вести диалог с крестьянами. И командование инженерно-саперного батальона решило, что лучшей кандидатуры, чем прапорщик Геннадий Кит, не найти. Так инструктор-водитель БТР стал агитатором БАПО (боевого агитационно-пропагандистского отряда).

Дорога на военную службу началась в г. Чертков Тернопольской области — родился Гена в семье военнослужащего Зиновия Марковича Кита и учительницы Марии Ивановны. С детства привык к военному распорядку. И хотя в скором времени переехал с семьей к новому месту службы отца в военный гарнизон под Будапешт, пп 62428, долго еще переписывался со школьными друзьями, а девочки прислали поздравление:

«Поздравляем мальчиков с их почти настоящим праздником! Желаем вам, чтобы в скором будущем вы стали настоящими хорошими солдатами и чтоб наградами вас не обидели!». Сейчас, спустя много лет, можно считать это пророческим предсказанием.

Гена был и общительный, и исполнительный, и всегда в центре внимания. Хорошо пел и играл на баяне, поэтому всегда был душой школьной компании. Есть такое понятие — стабильный хорошист — это о нем, и ему, первому из школьников, начальник гарнизона вручил комсомольский билет. Окончена десятилетка, до призыва еще год. Расставание с родителями, у отца не закончился срок службы, прощание с друзьями, и путь на Украину, в г. Черкассы, к родственникам родителей.

Многие юноши мечтают научиться классно водить автомобиль. Такое стремление было и у Геннадия, и он поступает в Черкасскую автошколу ДОСААФ, заканчивает ее с отличием по специальности «Водитель автомобиля 3-го класса» и устраивается на работу в автоколонну №2233. В армию призван в мае 1976 года Черкасским военкоматом. И снова в путь, в Южную группу войск, для прохождения срочной службы. После окончания службы, в феврале 1978 года поступил в школу прапорщиков, окончил ее в июле 1978 года с общей оценкой «Хорошо». Специальность – инструктор-водитель БТР. К этому времени родители вернулись в Союз, и мама тихонько молилась и надеялась, что Афганская война не коснется ее сыночка, ведь служит он в Венгрии, от Афганистана далеко.

Телеграмма застала ее врасплох: «Буду проездом в Киеве». Встреча не состоялась, а следующее письмо из Кундуза поселило в ее сердце тревогу.

Из письма Геннадия: «Здесь 1361 год и ничего хорошего он не предвещает. Замена у меня в 1983 году, но очевидно затянется, еще не уехали те, которые должны были уехать в декабре, а уже апрель. Погода отвратительная, дует ветер «афганец», пыли наглотались отменно». Томительное ожидание, так долго не было никаких вестей о сыне, что Мария Ивановна решила написать письмо командиру с просьбой сообщить, где находится ее сын. А обстановка обострилась, мятежники активизировались, изгоняли народную власть, насаждая так называемые «исламские комитеты», убивали активистов даже из числа старейшин, взрывали буровые установки стоимостью 200 тыс. рублей каждая, уничтожали школы, больницы.

И «Мы помогаем» трансформируется в «Мы воюем». Именно в это время, летом 1981 года начинают формиро-

ваться боевые агитационно-пропагандистские отряды – БАПО, из наших и афганцев, которые отправлялись в рейды по кишлакам. Должны были эти отряды нести в кишлаки мир, вести беседы с населением, оказывать медицинскую помощь, помогать продовольствием. В программу входили концерты и показ фильмов. Вот тогда командование решило, что лучшей кандидатуры, чем прапорщик Кит, не найти.

Из характеристики: «Инициативный, настойчивый, общительный и спокойный».

Да, Геннадий четко осознавал, что находится на территории суверенного государства и надо знать и уважать обычаи и традиции этого народа и не вести себя как оккупант. Хотя нередко наших парней встречали как гостей, а провожали за порог с пулей вдогонку. В такую западню не раз попадали наши воины. А рейды по кишлакам проходили по заминированным дорогам, каждый метр которых таил смерть. И если вначале кишлаки встречали шурави настороженно, то чудесные песни, задушевные беседы со старейшинами, игра на баяне, продовольствие, соль, спички, врач, все то, чего они никогда не видели – в конце встречи были улыбки, и приглашения приезжать еще. Звали Гену «Кэ» и просили еще и еще петь русские песни.

Уменьшилось участие в боевых операциях, но не уменьшилась опасность. Опасность таилась и в заболеваниях, косивших наших ребят. После перенесенного заболевания гепатитом, плохо заживало огнестрельное ранение ноги. Начиналась гангрена. Геннадия отправили в Термез, но так хотелось увидеть маму. И Геннадий рискнул поехать в Харьков. Мама, увидев хромящего сына, подняла на ноги врачей.

Спас его ногу, которой грозила ампутация, врач из летного училища на ул. С. Тархова и, конечно, заботливые мамини руки. К сожалению, мама не помнит имени этого врача. Геннадий мог остаться в Харькове, нужен был уход.

– Нет, мои друзья воюют, я не могу их бросить...

И опять рейды по кишлакам... Панджшерская долина — была одной из самых опасных зон военных действий. Здесь, 11 июня 1982 года, на агитотряд из засады было совершено нападение. Отряд принял бой...

«Ваш сын погиб смертью храбрых при выполнении боевого задания». Орден Красной Звезды ПОСМЕРТНО вручен родителям...

И только «Черные Тюльпаны» знают, сколько их полегло в том бою. Но ничто на Земле не проходит бесследно, и юность ушедшая все же бессмертна...

В память о Геннадии, его отец Зиновий Маркович Кит посвятил свою жизнь восстановлению социальной справедливости матерей, вдов и детей погибших, в течение 10 лет возглавлял Комитет семей погибших. Много хороших дел на его счету. И мы чтим память о нем.

Приятно вести разговор с интересным компетентным собеседником. Тем более, когда общаешься с человеком, который прошел с тобой одну войну. Ветераны войны в Афганистане работают на благо Украины в различных структурах, организациях и предприятиях: от работников коммунальной службы до народных депутатов Украины. И государственная судебная администрация не является исключением...

ШЕВЦОВ АНАТОЛИЙ ЛЕОНИДОВИЧ

ВОИН-ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТ, ПЕРВЫЙ ЗАМЕСТИТЕЛЬ НАЧАЛЬНИКА ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СУДЕБНОЙ АДМИНИСТРАЦИИ В ХАРЬКОВСКОЙ ОБЛАСТИ

- Анатолий Леонидович, в начале нашего разговора расскажите, пожалуйста, о себе.

- Родился я в селе Малиновка Чугуевского района. 18-летним юношей поступил в Голицинское пограничное училище, после окончания которого практически все время служил на границе. Прошел боевой путь от курсанта до полковника. Проходил службу в Прибалтийском, Средне-Азиатском, Северо-Западном пограничных округах Советского Союза и ПВ Украины. С отличием окончил Военно-политическую академию им. В.И. Ленина, где получил юридическое образование.

После увольнения в запас работал заместителем главы Чугуевской райгосадминистрации, и сравнительно недавно работаю на должности первого заместителя начальника Территориального управления государственной судебной администрации в Харьковской области.

Опыт организации охраны границы, воспитания личного состава имеется богатый, и это сегодня пригодилось при работе в органах исполнительной власти.

Мой сын тоже избрал военную карьеру: окончил Национальную юридическую академию им. Я. Мудрого. Он начинал службу тоже в пограничных войсках, а сейчас работает по специальности – помощником прокурора г. Змиев.

Участие в боевых действиях я принимал во время службы в Пянджском погранотряде. Особенность пограничной службы заключалась в том, что мы обеспечивали безопасность государственной границы, как по внутренней, так и по внешней кромке. Это примерно 300 км зоны ответственности внутри территории Афганистана. Выполнялась эта задача заставами, которые выставлялись на территории Афганистана и действиями мото-маневренных групп. В основном, эти подразделения и решали задачи в 300-км зоне, обеспечивая безопасность внешней кромки государственной границы СССР.

Особенностью именно нашего места службы было то, что государственная граница проходила по реке Пяндж. Кто там служил, тот помнит, что к этой реке прилегает плотная камышовая зона, которую мы называли

«зеленкой». В этой «зеленке» без проблем могли скрываться достаточно многочисленные бандформирования, которые с наступлением темноты старались просочиться на советскую территорию. Поэтому граница была практически непрерывно воюющая.

Сегодня мне нередко приходится сталкиваться и в прессе, и на бытовом уровне с дискуссиями: надо или не надо было вводить в ДРА войска? Во-первых, я считаю, что если бы мы не ввели в 1979 году войска, то те явления, которые мы наблюдали с 90-х в Таджикистане, были бы спровоцированы моджахедами значительно раньше. Во-вторых, это, конечно, была хорошая школа ведения боевых действий. Фактически, целая 40-я армия находилась на территории ДРА, и для тысяч офицеров это была школа приобретения навыков ведения боевых действий в принципиально новых условиях: и в горах, и в пустыне...

- Какое первое впечатление было об Афганистане?

- Вы знаете, что в основном в ДРА доставка людей и грузов осуществлялась с помощью авиации. До сих пор помню тот момент, когда первый раз летел над территорией этой страны. Тогда я думал об одном: неужели летчик не понимает, что так низко лететь нельзя?!

Дело в том, что наш вертолет с полной загрузкой летел на высоте где-то всего метров 12-15 над землей. При этом он постоянно маневрировал по скорости и высоте, чтобы не попасть под обстрел средств ПВО противника.

Первое время в Афганистане летчики пытались летать так, как их этому учили в училище. Но потом, по мере приобретения боевого опыта, стало ясно, что на низкой высоте противник просто не успевает навести «Стингер» на цель. А объясняется все очень просто: когда боевая машина летит высоко, противник на земле имеет достаточный запас времени, чтобы выбрать удобную позицию, прицелиться. И наоборот, когда вертолет на низкой высоте, буквально над головой, выныривает из-за скалы или невысокого холма, то у стреляющего нет времени даже на то, чтобы просто прийти в себя. И примеров такого боевого опыта было множество.

А ведь у СССР не было таких боевых полигонов, как у американцев, которые могли себе позволить на какой-то

стране, типа Гренады, «обкатать» свои боевые технологии. А в ДРА мы столкнулись с новой тактикой – тактикой партизанской войны, учиться противодействовать которой приходилось буквально на ходу...

К слову сказать, не смотря на острые дискуссии и противоречия общественного мнения, сегодня Украина не торопится выводить свой миротворческий батальон из Ирака. Наверное, это объясняется и тем, что армия должна постоянно приобретать практический опыт, который помогал бы адаптировать военнослужащих к современным, именно боевым, условиям.

Поэтому, говоря о войне в Афганистане, хочу отметить, что, тяжелейшие испытания и безутешное горе родных погибших ребят пережито все же не зря. Потому что мы защищали Родину.

- А какой эпизод службы в ДРА вам более всего запомнился?

- За время службы в Пянджском погранотряде интересных случаев набралось, наверное, десятки, если не сотни. Но я хочу рассказать об одном действительно уникальном человеке, легендарном офицере, который всю жизнь прослужил в этом погранотряде. Я говорю о полковнике Маркове Борисе Ивановиче — начальнике десантно-штурмовой маневренной группы. Несколько поколений солдат и офицеров помнят этого сильного, собранного и мудрого человека, требовательного и заботливого командира.

На территории Афганистана стояло три мото-маневренные группы (ММГ): в Тулукане, в Архатдже и Имам-Сахибе. Они занимались разведкой, поиском складов оружия, боеприпасов, устанавливали места дислокации бандгрупп и уничтожали их. ММГ выставляли вокруг себя боевые посты, которые заранее выявляли приближение и намерения противника. И вот одна из групп, где было всего два БТРа, попала в окружение. Бандиты предложили такие условия: солдат они отпускают, но забирают все вооружение, всю боевую технику, вплоть до средств связи. Когда эта группа доложила о сложившейся ситуации, было принято решение послать им на помощь другую бронегруппу из 10-ти машин. Старшим назначили Маркова. В составе этой группы на замыкающем БТРе был и я.

Подъехав к кишлаку, где наши попали в окружение, колонна остановилась примерно метров за 300. Со второй машины прыгнул Борис Иванович, и один, без оружия, направился в сторону «духов». Я не мог понять, что происходит! А из кишлака тоже вышел человек и пошел в нашу сторону. Где-то на середине пути они встретились, обнялись и стали о чем-то разговаривать. Кстати, Марков прекрасно владел всеми местными языками, и мог общаться практически со всеми народностями, населяющими эту страну.

Позже мы узнали, что человек, с которым он вел переговоры, раньше служил в царандое – афганской милиции. И по долгу своей службы ему не раз приходилось сталкиваться с Борисом Ивановичем. А однажды Марков спас ему жизнь...

Хочу отметить, что афганцы в таких вопросах очень щепетильны, и если считают, что кому-то должны, то никогда не забывают о своих долгах.

И вот мы наблюдаем следующую картину: Марков и его собеседник садятся на броню головного БТРа и наша колонна едет в кишлак. А кишлак буквально набит боевиками, причем в основном совсем мальчишками: примерно 14-18 лет. Они все наблюдают за нашей колонной, изготовившись для стрельбы с колена. Улицы кишлака узкие, извилистые, и если бы удалось тормознуть первую машину, выбраться нам оттуда было бы практически невозможно.

В это время афганский командир, едущий на

передовой машине, отдает команду, и перед нами сами «духи» начинают снимать с дороги мины... Мы спокойно доезжаем до наших, попавших в окружение БТРов, и все двенадцать машин, тем же путем возвращаются назад. На выезде из кишлака Марков и сопровождавший его афганец обнимаются, прощаются, и мы спокойно уезжаем к себе. Вот такой был уникальный случай.

И еще один случай... Это было 8 марта 1987 года. Накануне десантно-штурмовая группа была переброслена на территорию Пянджского погранотряда для отдыха и переформирования. Настроение у всех было праздничное. Все ждали возможности отдохнуть, расслабиться, послушать концерт. И вдруг около 22 часов вечера на территории погранотряда разрываются реактивные снаряды БМ-21. Два снаряда разорвались на территории погранотряда, а два – в самом городе, там погибли люди. В общем, праздник был основательно подпорчен.

Подразделение Маркова находилось возле спортивного городка, и как только была объявлена тревога, он быстро сориентировался, развернул минометную батарею, и ударил на ту сторону. На следующий день мы осмотрели позиции, откуда нас обстреляли. Оказывается «духи» на лошадях подвезли разобранные ракетные установки, которые установили на рельсы, по типу наших «Катюш», и с них производили обстрел. Всего они собирались выпустить 110 снарядов. Но как только с нашей стороны открыли ответный огонь, они бросили все свои установки и ушли.

За этот эпизод Марков был представлен к званию Героя Советского Союза, но, к сожалению, так его и не получил, а был награжден орденом Боевого Красного Знамени.

- Вы попали на афганскую войну еще в молодом возрасте. Чем стал для вас этот период в психологическом, личностном плане?

- Конечно, я мог бы рассказать о том, что для меня служба на границе с Афганистаном стала школой жизни, что там я научился защищать Родину, но тогда это воспринималось немного не так. Для нас, молодых офицеров, это была обычная повседневная жизнь, как говорится, трудовые будни. Рядом с нами жили и работали наши жены. Ходили в школу и в детский сад наши дети. Единственное, что, пожалуй, отличало именно тот период службы и что больше нигде не пришлось встретить – это редкое духовное единение. Взаимовыручка и взаимоподдержка, как среди самих офицеров, так и среди членов их семей. Все-таки война накладывала свой отпечаток.

У людей складывалась другая система ценностей. Не было такого, с чем часто приходится сталкиваться в наши дни: муж принес мало денег и на этой почве начинается конфликт. Там было важно, чтобы муж просто пришел

домой, живой и здоровый, а сколько он зарабатывает — отходило на второй план.

Наверное, поэтому, хотя уже прошло много лет после окончания афганской войны, мы продолжаем поддерживать отношения со многими семьями, с которыми подружились в Пяндже, хотя жизнь и разбросала нас по разным уголкам бывшего Советского Союза, а ныне новых государств.

- Анатолий Леонидович, а были ли какие-то казусы?

- Были, конечно. Например, в Имам-Сахибе наша ММГ размещалась в здании общества афгано-советской дружбы. К нам тогда часто присылали офицеров на стажировку, как правило, ненадолго (до двух месяцев) для получения боевого опыта. И вот к нам в часть приехал генерал, начальник одного из военных училищ. Первый, с кем он столкнулся — это был солдат, который шел навстречу в военной форме и кедах. А тогда было лето, стояла страшная жара, до + 50° С. Если прикоснуться к борту БТР, можно было обжечься. И вот у этого «визитера» случилась настоящая истерика по поводу внешнего вида этого солдата.

Второй его «бзик»: почему солдаты по возвращению с боевого задания не сдают оружие и боеприпасы в комнату хранения оружия? К слову, я не могу припомнить ни одного случая, чтобы солдат ММГ произвел случайный выстрел.

Еще один случай. Неподалеку от нас находился один интересный перекресток дорог, где в одной точке перекрывались практически все пути. И на этом месте поставили небольшую заставу, всего 12 человек. И что было характерно для этой заставы — каждый вечер, примерно в одно и то же время с наступлением темноты здесь начинался минометный обстрел. После того, как противник замолкал, точно такой же обстрел шел с нашей стороны. Такой своеобразный обмен любезностями, к которому все привыкли и почти не обращали внимание.

В основном на этой заставе были опытные бойцы, которым оставалось служить от полугода до нескольких месяцев. И вот на эту заставу попадает лейтенант, совсем молодой и необстрелянный парень. И в первый же вечер попадает под обстрел, как оказалось, впервые в жизни. Он испугался, выскочил, упал в траншею и не подавал признаков жизни еще долго после завершения обстрела.

Как вы понимаете, после этого случая офицеру трудно было бы найти общий язык с солдатами. Поэтому встал вопрос: что делать? Я и заместитель начальника политотдела приехали в это подразделение, поговорили с лейтенантом и предложили такой вариант: мы соберем комсомольское собрание, в конце которого он встанет и открыто скажет, мол, так и так. Проявил слабость, струсил, прошу прощения.

И вот начинается собрание, сначала, как обычно, политическая информация, текущие вопросы, потом мы вручили несколько грамот, и под самый конец поднимается лейтенант и, обращаясь к солдатам, говорит: прошу меня понять, я первый раз оказался под обстрелом, не выдержал, струсил. Простите, если можете. И вдруг встает старшина срочной службы, на глазах у всех подходит к лейтенанту, хлопает его по плечу и говорит: «Ничего страшного, товарищ лейтенант! С кем не бывает? Мы первое время тоже ссали».

Тогда вообще были другие отношения между людьми, чище, открытые. В том числе, и между начальниками и подчиненными. Не было каких-то интриг, подсиживаний. Как пример, бытовал у нас анекдот: офицеры, которые служат в Афганистане, курят, где угодно. Офицерам, которые служат в Западном (привилегированном — прим. ред.) округе, курят в служебных помещениях. Потому что если выйдешь из помещения, то по возвращению на твоём месте может уже оказаться другой.

- Хотелось бы услышать ваше мнение по поводу общественного движения ветеранов войны в Афганистане. Нужно ли оно вообще и если нужно, то для чего?

- Вы знаете, сейчас для нашей страны наступил период какого-то безвременья, когда сместилась система ценностей. Жизнь стала совсем другой, и, соответственно, люди тоже изменились. Нельзя говорить, что раньше все было хорошо, а сейчас все плохо. У нас, я считаю, замечательная молодежь. Но, как бы сказать, утеряна преемственность поколений. Старшим все сложнее и сложнее понять молодых.

Может быть, это происходит потому, что утеряна общая идея. Вы обратите внимание, как в Америке все сплотились вокруг национальных ценностей. Если играют гимн страны, встают все, любого возраста и любого достатка. У нас же такого пока нет.

Поэтому я думаю, «афганское» движение должно быть. Поясню свою мысль: я, как участник боевых действий, получаю за это надбавку к офицерской пенсии двадцать гривен с копейками. Но я ведь еще имею возможность работать. А что делать другим ветеранам и инвалидам афганской войны?

Просто интересно, что в наше время думают молодые парни, когда видят человека, который потерял в армии здоровье, а теперь не в состоянии даже оплатить квартиру? Или молодого офицера, который идет по городу в «зачуханном» камуфляже, потому что на другую одежду у него нет денег, и на лице у него отражается весь комплекс его проблем: отсутствие жилья, мизерная зарплата, необходимость кормить семью... Как вы думаете, посмотрев на все это, молодые ребята пойдут защищать родину, как в свое время шли мы?

Так что, я думаю, что сегодня не стоит вопрос: быть или не быть общественной организации «афганцев». Вопрос стоит: какой быть этой организации? Не хотелось бы, чтобы эта организация превращалась в некоего «свадебного генерала», который присутствует на всех торжественных и юбилейных мероприятиях, возлагает цветы и раздает грамоты. Не хотелось бы видеть «афганское» движение излишне политизированным или коммерциализированным, как это постепенно происходит в России.

Хотя, все прекрасно понимают, что без политики и денег в наши дни невозможно ступить ни шагу. Поэтому мне хотелось бы верить, что организации ветеранов станут сильным, влиятельным, хорошо организованным фактором, способным отстаивать свои интересы.

- И, по традиции, последний вопрос: что бы вы могли пожелать городскому союзу «афганцев» и читателям нашего журнала?

- Прежде всего, хотелось бы сказать: это очень хорошо, что в наше время выходит такой журнал. Потому что интернационалист — это достаточно емкое слово. Оно объединяет тех, кто в свое время выполнял свой долг в любой точке горячей точки земли. Хорошо, что «афганцы» не забыли тех людей, которые служили на Кубе, во Вьетнаме, в Африке. Я думаю, что они могут найти в журнале какую-то полезную информацию и для себя.

А что касается городского союза, то думаю, что здесь тоже все будет в порядке. Сейчас эту организацию возглавляют серьезные, компетентные люди, которые способны внушить к себе уважение и, самое главное, доверие людей. А это — основа любой позитивной совместной деятельности.

*Интервью провел Н. Хорошев,
руководитель пресс-службы ХГСБА*

Использованы фотографии из личного фотоархива А. Шевцова

Автор — Дьяков Юрий Михайлович — воин-интернационалист, пулеметчик 2-й заставы Пянджской ДШМГ (1986-87 гг.).
В настоящее время работает слесарем-инструментальщиком на заводе ХЗАС.

Начало марта 1987 года выдалось сухим и жарким, впрочем, как и всегда в это время года в Средней Азии. Десантно-штурмовая маневренная группа (ДШМГ) Пянджского погранотряда вернулась на базу после очередной успешно проведенной операции по освобождению от душманов одного из кишлаков на севере Афганистана. На календаре было 8 марта 1987 года, солдаты приводили себя в порядок и отдыхали после операции, офицеры, свободные от службы, пошли поздравить с праздником своих жен и дочерей.

Вечером, как всегда подразделения были на просмотре художественного фильма в клубе. В 22.00 фильм закончился, и солдаты выстраивались для выдвижения в казармы. Стояла тихая мартовская ночь, легкий ветерок играл в листве тополей, но в эту идиллию тишины стали вплетаться посторонние звуки, то есть появился свистящий в листве звук и непонятные хлопки вдалеке. Кто-то предположил, что это «шурупы» дают салют в честь Дня 8 Марта («шурупы» — на сленге пограничников — подразделения Советской Армии). Другой голос опроверг это предположение, ведь вокруг только пограничники. Всю непонятность обстановки развеял дежурный по ДШМГ ст. лейтенант Киселев:

- Город обстреливают! Боевая тревога!

Мы побежали к казарме. Пробегая мимо офицерских домов, увидели испуганных женщин и детей, толпившихся возле подъездов. Наверное, так в 1941 году начиналась Великая Отечественная война. Но ребятам из ДШМГ в тот момент эта мысль, наверное, не пришла в голову. Но главное было — разобраться в обстановке.

Мы рассредоточились по периметру казармы, ожидая дальнейших указаний. Со стороны реки Пяндж теперь отчетливо стали слышны звуки выстрелов. На пороге казармы ДШМГ появился подполковник Борис Иванович Марков — легенда погранвойск и бессменный командир ДША. Четко и кратко объяснив обстановку, приказал установить три 80-х миномета и три СПГ на строевом плацу, в это время с крыши спортзала корректировщики вели наблюдение за вспышками и определяли расстояние. Доложив подполковнику Маркову о выполнении задания, мы получили другой приказ: «Открыть огонь!». Прогремел первый залп, грохот из шести стволов слился в один звук. Корректировщики по вспышкам разрывов определили точность, и последовали новые выстрелы.

По словам дежурного старшего лейтенанта Киселева, с начала обстрела и до первых наших выстрелов, прошло не более 7-ми минут. К сожалению, за это время «душманские» мины успели наделать бед в городе. Одна из мин разорвалась возле отделения милиции, убив при этом 2-х милиционеров, еще несколько взорвались в жилом районе, убив и ранив многих мирных жителей. Но офицеры и солдаты ДШМГ понимали, что цель душманов — отряд ПВ, склады боеприпасов и ГСМ. Попади хоть одна мина туда — потери были бы намного больше и страшнее. Поэтому, четко выполняя приказы подполковника Б. И. Маркова и офицеров ДШМГ, корректировщики четко определяли цели, а минометчики и наводчики СПГ вели огонь. 2-я застава была отправлена на склад за боеприпасами, 1-я и 3-я заставы были готовы к любым неожиданностям. Все было буднично и привычно для воевавших людей, только факт обстрела нашей территории был непредвиденным, и поэтому каждый солдат, каждый офицер горели желанием как можно быстрее уничтожить душманов, высадившихся на островах реки Пяндж, защитить мирный город и свои семьи.

С момента первого ответного залпа прошло минут тридцать, со стороны Пянджа выстрелы прекратились, но все равно все солдаты, до рези в глазах, вглядывались в сторону границы и ловили каждый звук с той стороны. Но все было тихо.

Ночь прошла в напряженном ожидании, а утром, несмотря на усталость Пянджская ДШМГ улетела на «операцию возмездия».

Высадились за речкой в том месте, откуда вчера «духи» вели огонь по приграничному городу, окопались, провели проческу местности, выставили посты наблюдения. Все как всегда на боевой операции. День прошел спокойно, а вечер принес сюрприз. Посты наблюдения заметили группу душманов, передвигающихся на тракторах с прицепами. Подполковник Марков, оценив обстановку, принимает решение атаковать душманов. Неожиданность и внезапность атаки помогает застать «духов» врасплох. Завязывается скоротечный бой, в котором побеждают пограничники. Из допросов пленных стало известно, что вчера, когда пограничники открыли ответный огонь, первой же миной возле миномета был уничтожен их главарь, поэтому бандиты вынуждены были прекратить огонь и уйти с островов. А сегодня попытка обстрелять город провалилась...

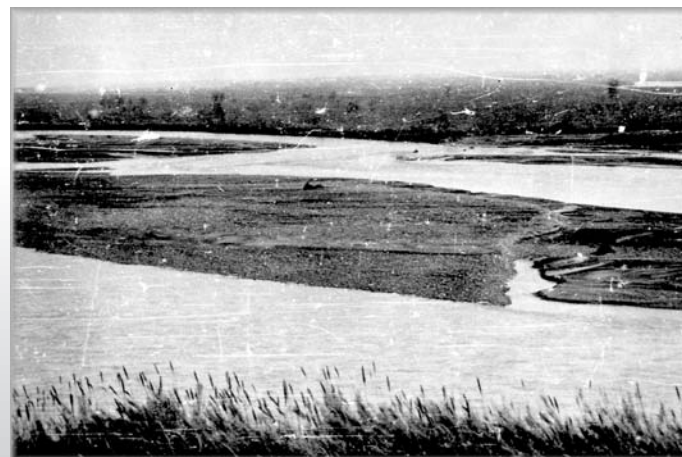
Опыт и профессионализм подполковника Маркова, капитана Акулова, старших лейтенантов Иванова, Фоменко, Дробышева, корректировщиков старшего сержанта Стороженко, рядового Филоненко и других солдат и офицеров ДША помогли защитить мирный приграничный город Пяндж от уничтожения и гибели многих людей.

После этих событий на крыше спортзала был установлен постоянный пост наблюдения, а за рекой организованы заградительные посты, где каждые две недели, сменяя друг друга, несли службу пограничники застав ДШМГ. В Пянджский пограничный отряд из Москвы приезжала комиссия во главе с председателем КГБ Чебриковым.

Решительные и профессиональные действия командира ДШМГ подполковника Б.И. Маркова получили высокую оценку командования. Многие офицеры и солдаты ДШМГ были удостоены правительственных наград, получили отпуск на Родину.

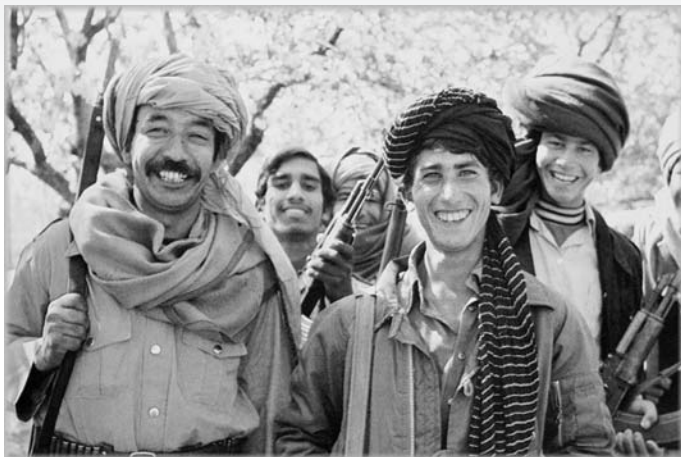
Для участников тех событий этот обстрел оставил неизгладимый след в душе и гордость за то, что им довелось служить под командованием легендарного и бесстрашного человека, любимца солдат всех призывов, о котором помнят до этих дней и часто вспоминают с благодарностью — подполковника Бориса Ивановича Маркова.

Фотографии предоставлены автором

АФГАНИСТАН.

ВТОРАЯ ПОЛОВИНА 80-х, НАЧАЛО 90-х...

(Окончание. Начало см. в №11)

Но как бы там ни было, Пакистан свои обязательства выполнять не спешил. Он не только не ликвидировал на своей территории все военные объекты афганской вооруженной оппозиции, но и не допустил контрольные органы ООН к этим объектам.

Следует отметить, что огромную работу по вопросу национального примирения тогда проводило возглавляемое Наджибуллой афганское руководство и обновленный состав советников по линии ЦК КПСС. Так, уже 3 мая 1987 года на внеочередном заседании Революционного совета ДРА была принята декларация «О национальном примирении в Афганистане». В ней в частности говорилось, что с 15 января вооруженные силы прекращают огонь из всех видов оружия. Войска приостанавливают боевые действия против вооруженной оппозиции, в том числе, прекращают нанесение по ней артиллерийских и бомбовых ударов, и возвращаются в пункты своей постоянной дислокации. Далее в декларации отмечалось, что примирение будет продолжено до 15 июля 1987 года, если к нему присоединится противоположная сторона...

Однако оппозиция не сделала ответный шаг доброй воли. Лидеры «Альянса семи» не поддержали предложения Кабула о примирении. Они даже не приняли во внимание то, что в мае того же года декларацию поддержали пятьсот посланцев мусульманского духовенства, собравшиеся на вторую Всеафганскую джиргу улемов и священнослужителей, которые заявили, что она (декларация) «всцело соответствует принципам ислама и законам шариата».

И, тем не менее, успехи нового руководства Афганистана набирали силу. Это признали тогда и лидеры оппозиции.

Вот что сказал в Исламабаде на проходящем совещании руководителей Пакистана с лидерами афганской вооруженной оппозиции, «министр информации» «переходного правительства» мятежников Лафрей: «...успехи Наджибуллы и его партии имеют разрушительный эффект и сильно воздействуют на моральный дух оппозиции и афганских беженцев в Пакистане. Кровавое пролитие оценивается очень многими из них как бесполезное и не нужное. Сообщения иностранных информационных агентств об имевших место расстрелах оппозицией афганских военнослужащих и учиненных насилиях над женщинами под Желалабадом вызывают широкое недовольство. Существуют серьезные опасения и за последствия, которые могут возникнуть в ближайшее время из-за территориальных притязаний Пакистана к Афганистану...»

Данное совещание одобрило предложенный Лафреем план активизации психологической войны против Афганистана, который предусматривал идеологическую обработку населения по созданию впечатления о неминуемости падения существующего режима. План также предусматривал подрывную работу непосредственно в афганской армии, и убеждение афганской и в первую очередь мировой общественности, что именно «переходное правительство» может принести Афганистану и стабильность, и процветание...

Итак, февраль 1989 год. Завершающая стадия вывода советских войск из Афганистана.

Государственные деятели и правительства ведущих стран мира единодушно отмечали в эти дни добросовестность Советского Союза по выполнению взятых на себя обязательств, содержащихся в Женевских соглашениях по Афганистану. Однако только этим пунктом соглашения не ограничивались. Еще предстояло их осуществление в полном объеме, всем подписавшим их правительствам, включая Пакистан и США. В число этих документов входили и афгано-пакистанские договоренности о невмешательстве во внутренние дела друг друга и о добровольном возвращении афганских беженцев из Пакистана; международные гарантии СССР и США о невмешательстве во внутренние дела в Афганистана, а также выполнении договоренности об учреждении под эгидой ООН механизма контроля и проверки соблюдения принятых сторонами обязательств.

Что же оказалось в действительности. Когда последние соединения советских войск ушли из Афганистана, как в официальных кругах Вашингтона заговорили о свертывании до минимума мандата, в соответствии с которым был учрежден и стал уже функционировать механизм проверки и контроля под эгидой ООН. Сообщения западной прессы в тот период говорили, что в Пакистане активизировались силы, стремящиеся расширить масштабы вмешательства во внутренние дела Афганистана. Именно в этот период «Нью-Йорк таймс» поместила весьма потрясающее сообщение своего корреспондента. Ссылаясь на услышанное им от командующих группами вооруженной оппозиции, которые действовали тогда на подступах к Желалабаду, журналист приводит такое их заявление: «Пакистанцы оказывают на нас давление, чтобы мы предприняли решительное наступление на Желалабад...»

Поэтому сразу возникает вопрос: «А как же тогда обязательства, взятые пакистанской стороной по Женевским соглашениям?» Получается никак. В действие вступили пресловутые «двойные стандарты», но... только для Пакистана и опекаемой им вооруженной афганской оппозиции. А как Афганистан?.. Афганистан остается с собой «один на один».

Обстановка становилась все более и более напряженной. 18 февраля по афганскому радио и телевидению был зачитан указ президента Афганистана Наджибуллы об объявлении чрезвычайного положения в стране. Правительство РА, говорилось в нем, в интересах урегулирования обстановки внутри и вокруг Афганистана, прекращения братоубийственной войны и обеспечения мира и стабильности в стране, два года назад, в соответствии с интересами народа, провозгласило курс на национальное примирение. Из тюрьм было освобождено большинство заключенных. Обеспечены политические свободы и деятельность политических партий, одобрена Конституция, проведены выборы в Национальный совет, сформировано коалиционное правительство с участием беспартийных деятелей. Было заявлено о всесторонней готовности к диалогу со всеми представителями оппозиции.

Далее в указе подчеркивалось, что пакистанские власти сконцентрировали свои войска на границе с Афганистаном и пытаются навязать вооруженной оппозиции угодное им правительство. Указ отмечает, что оппозиция отвергла политику национального примирения и провозгласила лозунг продолжения войны и кровопролития. Далее говорится, что Исламабад и Вашингтон продолжают нагнетать напряженность внутри и вокруг Афганистана, чем ставится угроза политической независимости страны, ее территориальной целостности и суверенитета. Поэтому, говорится в документе, для отражения вооруженной агрессии извне, решительной защиты независимости, национального суверенитета, территориальной целостности, идеалов политики национального примирения, в целях обеспечения и спокойствия на земле афганцев, следуя положениям конституции, с 19 февраля с.г., на территории страны вводится режим чрезвычайного положения.

Реакция мирового сообщества на события вокруг Афганистана в тот период была неоднозначна. Казалось все идет как нужно. Все приветствуют вывод советских войск из этой страны. Признательность советскому руководству в связи с этим выражают президент Пакистана Гулам Исхак Хан и премьер-министр Б. Бхутто. Приветствовал вывод из Афганистана контингента советских войск канцлер ФРГ Г. Коль. Однако вмешательство во внутренние дела страны продолжалось, как со стороны Пакистана, так и других государств поддерживавших вооруженную оппозицию.

Советский комитет солидарности стран Азии и Африки выступил с решительным требованием прекратить вмешательство во внутренние дела Афганистана.

На этом фоне явным диссонансом прозвучало тогда заявление министра иностранных дел Великобритании Дж. Хау, данное им в интервью ВВС. В нем он представил вывод советских войск из Афганистана, как признание СССР того факта, что советская военная помощь Афганистану, была катастрофой, которой следовало как можно быстрее положить конец.

Президент США также приветствовал вывод советских войск из Афганистана на пресс-конференции в Белом доме. Однако, как передало тогда агентство Рейтер, он отказался принять советское предложение о прекращении поставок вооружений афганской оппозиции.

Тем временем кровь продолжалась литься. Мятежникам продолжали поступать снаряды для обстрелов мирного населения, зенитные ракеты «Стингер», поражающие гражданские самолеты с людьми на борту. Подтверждением тому явилось сообщение ЮПИ, в котором говорилось, что в результате очередного обстрела Кабула семь человек были убиты. Четверо из них были дети, погибшие от взрыва снаряда.

Советский Союз выступил с предложением о проведении международной конференции в целях урегулирования положения в Афганистане. Однако «президент» оппозиционного правительства Моджаддеди, отверг его, заявив, что «афганцы решили продолжать вооруженную борьбу против кабульского режима, что является единственным решением проблемы».

20 мая в Кабуле проходит заседание Лоя джирги. Она одобрила деятельность правительства по отпору агрессии Пакистана, и постановила продлить чрезвычайное положение в стране еще на шесть месяцев.

5 июня в Пакистан прибывает делегация народного комитета «Надежда» по вопросу спасения советских военнослужащих, попавших в плен в ходе боевых действий на территории Афганистана, и находящихся, по непонятной причине, в Пакистане. В ходе встречи делегации с лидерами вооруженной оппозиции Моджаддеди и Хекматиаром, которая происходила в Пешеваре, была достигнута договоренность об обмене военнопленными. Советских военнопленных должны были обменять на моджахедов, находящихся в плену у афганского правительства.

Всего, по данным МО СССР, пропавших без вести советских военнослужащих было 315 человек. Правда, точная цифра, к сожалению, не известна и по сей день.

Больно говорить о пропавших без вести солдатах, но еще больнее говорить о погибших в этой войне.

Вот цифры о погибших в Афганистане советских солдат и офицеров, которые опубликовал Генеральный штаб ВС СССР 17 августа 1989 года: в 1979 году – 86 человек; в 1980 году – 1484 человека; в 1981 году – 1298 человек; в 1982 году – 1948 человек; в 1983 году – 1446 человек; в 1984 году – 2343 человека; в 1985 году – 1868 человек; в 1986 году – 1333 человека; в 1987 году – 1215 человек; в 1988 году – 759 человек; в 1989 году – 53 человека.

Всего боевые потери советских солдат и офицеров за весь период войны составили 13 833 человека. Правда, здесь почему-то не учтены те, кто скончался от ран и болезней в военных госпиталях...

ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ ГЕРОЯМ-ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТАМ

Первый год после вывода советских войск из Афганистана был характерен не только усилением боевых действий между правительственными войсками и вооруженной оппозицией, но и политическими неожиданностями. Неприятно всех удивил американский «протекже» Гульбедин Хекматиар. Он неожиданно стал проклинать своих хозяев-американцев, и напротив, «Панджшерский лев» — лидер ИОА Ахмад шах Масуд, который всегда был близок к Ирану – врагу Америки, установил с ней контакты, и за удачные боевые действия против правительственных войск, получил от нее не только благодарность, но и большую партию оружия и боеприпасов. Этот год еще потряс или, по меньшей мере, удивил мировую общественность тем, что произошло в Афганистане в последующем.

Неудавшийся военный переворот 6 марта 1990 года, который возглавили министр обороны Афганистана генерал-полковник Шах Наваз Танаи, секретарь ЦК НДПА Нияз Моманд, командующий ВВС полковник Абдул Кадыр и начальник штаба ВВС полковник Амир Хамза. Переворот был подавлен. Но в ходе боевых действий, не считая потерь военнослужащих с той и другой стороны, погибли 95 гражданских лиц, 172 человека получили ранения. В результате бомбовых ударов и артиллерийских обстрелов было уничтожено 230 частных магазинов, 55 жилых домов.

Сразу возник вопрос: «Кто стоит за всем этим?» Ответ дала 7 марта, то есть буквально на следующий день английская телекомпания Ай-ти-эн. Вот как она прокомментировала эти события: «Интригующим аспектом нынешних событий стал тот факт, что к последней попытке переворота, судя по всему, был причастен один из ведущих лидеров моджахедов Гульбедин Хекматиар».

Автор не исключает такого варианта, поскольку ему достоверно известен факт, что Кабульская резидентура КГБ еще в 1987 году располагала материалами о конспиративных контактах Танаи и Кадыра с представителями Хекматиара.

Второе событие произошло ровно через месяц после попытки военного переворота. Об этом поистине трагичном событии сообщил тогда корреспондент ТАСС: «В афганской провинции Герат во время церемонии перехода на сторону кабульского правительства четырех формирований оппозиции общей численностью 10200 человек возникла перестрелка между моджахедами и афганскими военнослужащими. Имеются убитые и раненые с обеих сторон. По предварительным данным, погибли два крупных афганских военачальника».

Позднее было установлено, что эта кровавая бойня была спланирована и проведена непосредственно под руководством ИОА Б. Раббани, его боевиками.

Прошло немногим более года, как последний советский солдат покинул территорию Афганистана, но война, к сожалению, продолжала набирать обороты. До мирного неба над этой многострадальной страной было еще далеко...

Станислав Олейник

«Страна должна знать своих героев...» Эта повелевающая фраза из нашего недавнего «монументально-победного» прошлого, наверное, обречена была переключаться в уста сатириков и юмористов. И не только потому, что Золотые Звезды государственных наград превращались у нас в обязательные юбилейные украшения, а в героях жизни ходили все больше «деятели» прилавка и номенклатуры, но и потому, что не о всех истинных Героях страны разрешалось тогда знать.

О Герое Советского Союза подполковнике Николае Михайловиче Кутынцеве ходили слухи, что его дивизион в Египте наводит ужас на израильтян, и что они значили за его уничтожение огромную премию. Другие говорили, что к Кутынцеву собрали лучших специалистов из Войск ПВО. Третьи утверждали, что на вооружении у ракетчиков новейший суперкомплекс, лучше которого нет в мире.

И вот спустя многие годы я в гостях у Николая Михайловича — теперь уже полковника в отставке — в его уютной харьковской квартире. Слушаю рассказ и «раскрасчиваю» Героя той еще во многом неизвестной нам войны.

КАК НАШИ ЗАЩИЩАЛИ «РИДНУ КАИРЩИНУ»

В декабре 1969 года меня вызвали в штаб бригады и поставили задачу сформировать дивизион сокращенного состава для обучения арабских специалистов. Отбор был строгий: все в обязательном порядке проходили тщательную медицинскую комиссию. Проверяли способность солдат, офицеров интенсивно работать в условиях жаркого климата. Смотрели и на пятую графу. Был негласный приказ: «отсеивать» евреев. Срабатывала машина подозрительности, политического недоверия. Проверяли всех. Сомневались в каждом.

Случалось, что солдат, офицеров, у которых были родственники в капстранах, снимали прямо с эшелона. На станции подходили товарищи в строгих гражданских костюмах и вручали телеграмму о том, что, мол, умерли мать или отец и поэтому необходимо срочно выехать домой. Не брали и тех, у кого большие семьи...

К Новому году задание выполнили. Сформировали дивизион, развернулись в районе Баку, начали принимать египетских военнослужащих. Офицеры были неплохо подготовлены. Многие окончили по два-три колледжа. А вот с солдатами, половину из которых составляли бедные феллахи, пришлось повозиться. Изучение русского языка шло с трудом, технические термины усваивали тяжело.

Во взаимных мучениях прошло месяца полтора, пока нашему командованию не стало ясно: идея подготовки арабских специалистов в учебных центрах (а их было создано три) не состоятельна. Тогда и приняли в Москве решение — ввиду резкого обострения обстановки на Ближнем Востоке послать советские боевые дивизионы в Египет.

Меня иногда спрашивают: было это авантюрой или тщательно продуманным шагом? Трудно ответить однозначно. Тогда, честно говоря, мы мало задумывались над этим. Срабатало правило, которому учили всю жизнь: «Надо, значит, надо».

6 марта 1970 года прибыли в Николаев. Переодели нас в гражданские костюмы. Отобрали документы и личные вещи.

Вместе с техникой загрузились на сухогруз «Всеволод Вишневский». Ракеты и пусковые установки опустили в трюмы, там разместили и солдат. Им строго-настрого запретили подниматься наверх.

Тягачи и кабины закрепили на палубе и замаскировали под сельскохозяйственные машины. Нацепили бутафорское навесное оборудование — и в путь... К вечеру 12 марта уже стояли на рейде в Александрии.

Опасаясь диверсионных актов со стороны израильтян, ждали, пока военные катера «обрабатывают» фарватер глубинными бомбами.

Встречали нас торжественно. В порт прибыл посол СССР в Египте Виноградов, заместитель командующего

Войсками ПВО генерал армии Щеглов, начальник штаба египетской армии. Тут же повели всех в металлический ангар на митинг советско-египетской дружбы. Потом устроили праздничный ужин. Затем вторично переодели. Теперь уже в арабскую форму без знаков различия. Так мы стали «египтянами».

А настоящим египтянам приходилось худо. В шестидневной войне 1967 года Израиль захватил Синайский полуостров. В результате переговоров было достигнуто перемирие, но израильтяне продолжали оккупировать Синай. То и дело вспыхивали перестрелки, шли воздушные бои. У египтян перед Суэцким каналом было развернуто три армии. Но их не могли надежно прикрыть с воздуха собственные силы ПВО, вооруженные советскими зенитно-ракетными комплексами. 12 марта, например, израильская авиация нанесла мощнейший удар по каирской группировке. Разрушения были огромны. Некоторые арабские дивизионы вообще прекратили существование.

На отдых нам дали всего одну ночь. Утром уже были на колесах, готовились принять боевое крещение. Нам приказали выдвинуться в район Каира и надежно прикрыть его с воздуха. Шли со скоростью 55-60 километров в час. Возле небольшого поселка уперлись в позицию египетского дивизиона, два дня назад попавшего под удар авиации Израиля. Зрелище это не для слабоонервных. Кабины станций разбиты, пусковые установки тоже. Везде валяются останки людей. Их еще не успели убрать. И в этой мясорубке нам предстояло жить и воевать. Тогда же в голову впервые пришла мысль: «Почему мы здесь, за чьи грехи?»

Только начали размещать технику, как прибыл командир части, а с ним 150 арабов. Они принялись расчищать позицию, насыпать мешки песком и укладывать их вокруг кабин. Это было наше единственное прикрытие от самолетов. Для того чтобы строить блиндажи или щели, не было ни времени, ни материалов.

Всю ночь работали не покладая рук. Никого не надо было подгонять. Технику развернули, значительно перекрыв дневной норматив. Провели контроль функционирования — все в норме. В указанный срок я доложил прибывшему на позицию командиру дивизии генерал-майору Смирнову о готовности к бою.

Вслушав меня, он спросил: «Видел, что перед тобой?». «Видел», — ответил я. «Так может быть и с тобой, если плохо будешь воевать». Я молчал. Говорить в таких случаях нечего. Но очень уж не хотелось умирать в этой раскаленной пустыне вдаль от родной земли. Да если бы мне одному. А солдаты? По сути, дети, они и пожить-то еще не успели. «Постараемся воевать лучше», — только и смог я выдать из себя.

Генерал уехал, а минут через двадцать на позиции

прозвучала боевая тревога. Мы немедленно развернули антенну станции разведки и целеуказания, и увидели на экране цель. Попытался доложить об этом на КП египетской бригады, с которой у меня только и была связь, но к телефону долго никто не подходил. Хотя я твердо знал, что там находится советский советник. А тем временем оператор СРЦ доложил, что цель групповая, состав — 5 самолетов. Только после третьего звонка к аппарату подошли. Выслушав доклад, советник приказал ждать команды.

Напряжение росло с каждой минутой. Вот цель прошла дальнюю границу, вошла в зону гарантированного пуска, а команды все нет. Операторы радиолокационной станции устойчиво сопровождают самолет ведущего. Нажимаю кнопку запросчика. Ответа нет. Значит, чужой. Дорога каждая секунда. Снова кручу ручку полевого телефона. И наконец-то слышу долгожданное: «Цель уничтожить!»

Офицер наведения старший лейтенант Иван Бешенцев тут же нажал на кнопки. Первая же ракета разбила самолет. Но остальные отметки от цели мгновенно исчезли. И как ни пытались операторы обнаружить их, ничего не получило. Что произошло в те минуты, для нас было величайшей загадкой.

А арабы, услышав грохот стартующих ракет и увидев, что цель уничтожена, упали от испуга на землю, закричали и потом, сбросив чалмы, убежали в пустыню. Но вскоре наступила тишина. Никто не звонил, не поздравлял с победой, не спрашивал, куда девались остальные самолеты.

В душу закралось недоброе предчувствие, и оно не обмануло. Часа через четыре в дивизионе появился военный советник генерал-майор Рожденкин. Не выслушав даже моего доклада, направился в кабину управления и стал расспрашивать специалистов, была ли команда уничтожить цель. Пока генерал беседовал с подчиненными, я разыскал начальника штаба майора Добычина: «Беда, Анатолий Михайлович, по-моему, мы арабский самолет сбили. Как будем отчитываться?» Добычин был спокойнее: «Я в тетради весь бой до секунды прохронометрировал, все команды записал. Получился журнал боевых действий».

У меня появилась хоть и слабая, но надежда на спасение. Генерал тем временем приказал мне выехать на каирскую автостраду и ждать там его. Вскоре в указанное место подкатил черный лимузин. Из машины вышли два молодых человека в черных костюмах с «бабочками» и предложили пересечь к ним. В машине из разговора с советниками я понял, что произошло. Оказалось, что египетский самолет Ил-28 таскал конус для стрельбы наших зенитчиков. И когда возвращался на свой аэродром, к нему сзади пристроилась четверка «Фантомов». Хитрые израильские пилоты решили проверить боеготовность наших комплексов, о наличии которых они уже знали. И когда по ошибке мы сбили ведущего, четверка тут же совершила противоракетный маневр, нырнула в Сохнинскую падь, как мы ее называли (старое русло Нила — каньон глубиной 180 и шириной до 220 метров), и безнаказанно ушла на свой аэродром.

Еще я узнал, что в экипаже был кто-то из королевской фамилии и президент Насер очень недоволен. О случившемся уже доложили нашему министру обороны. А меня вызывают на разбор ЧП к главному военному советнику.

Я знал, что по головке не погладят, но в правильности своих действий не сомневался.

Полтора часа находился я под перекрестным огнем самых каверзных вопросов. Спрашивали обо всем — от пунктов наставлений, приказов и директив до цены деления шкалы приборов. Порой казалось, что я на государственном экзамене в академии. Понимал, что ищут зацепку, компромат, чтобы затем издать приказ и наказать меня на полную катушку. Поэтому старался быть спокойным и рассудительным.

Потом разговор зашел о сбитом самолете. «Чем можете доказать, что сбили его правильно?» — спросил главный военный советник. В ответ я достал из кармана журнал

боевой работы и положил на стол. Генерал внимательно изучил его и, обратившись к советникам, сказал: «У него документ, а у вас одни слова». Неожиданно для всех он пожал мне руку и поблагодарил за службу.

Конечно, причина ЧП была не во мне. Судите сами: война в Египте шла уже давно, но никто и пальцем не пошевелил, чтобы определить маршруты полетов своих самолетов, установить на них ответчики, наладить систему оповещения средств ПВО. Наши летчики старались над нами не летать, а египетские не соблюдали никаких правил...

И получилось как в той поговорке: не было счастья, да несчастье помогло. Навели-таки после этого порядок. Ответчики поставили, коридоры определили. Наши летчики благодарили меня потом.

Через несколько дней в дивизион прибыл генерал-лейтенант Бондаренко. Прямо на позиции перед строем зачитал приказ министра обороны. Так как приказная часть была опущена, то я понял, что досталось и нашему командованию. Личному составу генерал объявил благодарность, а мне, уловив минуту, показал кулак. Тогда я такому выразительному жесту не придавал значения, но по возвращении в Союз ощущал его над своей головой до конца службы...

Под Каиром мы пробыли до середины мая. Узнав, что город прикрывают советские ракетчики, израильские прекратили налеты. Не бомбили они больше Асуан и Александрию. Советская печать в это время на все лады восхваляла доблестных египтян, сумевших дать достойный отпор. Читая все это, многие, понятно, возмущались: «ридну Каиршину» защищали-то мы.

К концу весны с помощью арабского населения было построено немало позиций для дивизионов. Египтяне работали так: ежедневно 500-600 человек носили на головах в тазиках цементный раствор, вязали арматуру. Укрытия получались крепкие, надежные. Тысячефунтовые бомбы их не пробивали.

По нашему проекту построили завод, производящий макеты зенитных ракетных комплексов. Бывало, едешь и со ста метров не определишь, где настоящая позиция, а где ложная. На каждый дивизион их приходилось по две-три. Пусковые установки мы маскировали под бедуинские мазанки.

Израильяне понемногу осмелели и снова начали совершать налеты. Бомбили египтян (разведка у них была поставлена хорошо — об этом чуть позже). Но все чаще и чаще прощупывали и нас.

Египтяне панически боялись «Фантомов». Они не верили в советскую технику, не раз говорили нам о ее слабости. Но не боевая техника была причиной их поражений, а неподготовленность расчетов. К примеру, запустив ракету, они тут же разбегались. Никому и в голову не приходило, что ракетой надо управлять. Мало пользы было и от наших советников, которые зачастую гибли вместе с необученными подразделениями.

Для сравнения скажу, что, если наш дивизион выходил на новую позицию за 32 минуты, арабам для этого требовалось 3-4 часа.

По указанию нашего командования мы стали создавать маневренные группы, устраивать засады. Днем стоишь на одной позиции, ночью занимаешь другую, оставляя на старом месте ложный комплекс. Это несколько уменьшило наши потери, но все же люди гибли. Так, например, в ночь на 30 июня на заранее подготовленные позиции была выведена группа из пяти дивизионов. Но утром их засекла израильская разведка. Авиация нанесла массированный удар. И хотя наши ракетчики сбили несколько «Фантомов», группа перестала существовать. Прикрывавшие ее арабские подразделения открыть огонь не смогли.

Большой потерей для всех стал разгром дивизиона моего училищного друга подполковника Василия Матвеевича Толоконникова. Его подчиненные сбили два «Фанто-

ма», но и сами подверглись удару. В итоге восемь человек погибли. В том числе и старший лейтенант Сергей Сумин. Знаю, что у него родился ребенок, который так и не увидел отца. А жена Сережи потом долго не могла выхлопотать пенсию за мужа.

Мой дивизион тогда ударом с воздуха не подвергался. Но я понимал: рано или поздно мы вступим в схватку. При этом помнил: все, что известно арабам, сразу же становится достоянием израильской разведки. Иногда даже не подходил близко к будущему расположению дивизиона, чтобы не вызвать интереса у населения. Короче, приходилось вводить в заблуждение не только врагов, но и друзей. Ибо, как это ни прискорбно, многие потери были на совести тех, кого мы прибыли защищать. Видимо, кто-то и на нашей крови делал бизнес.

Возмущало и то, что все секреты были, в основном, секретами только для нас. За утерю какого-то незначительного документа можно было запросто пойти под трибунал. Рядом, на позициях арабов, валялись куда более секретные бумаги, но никого это не волновало. Стоит ли удивляться, что израильтяне знали о нас все: и радиоканалы, и запасные частоты. Бывало, помехами забивали все экраны.

Но как бы там ни было, к бою я готовился основательно. Согласовал свои действия с командиром соседнего дивизиона подполковником Константином Поповым.

Для прикрытия нам выделили три «шилки». Обрадовались — море огня. Сделали четыре ложные позиции. А наши химики — вот народ ушлый! — продумали имитацию старта ракет. На ложной позиции солдат в указанное ему время крутит ручку, зажигательная смесь взрывается и создается видимость старта.

1 августа поступила команда на свертывание дивизиона. Днем прошли через Каир. В назначенном месте имитировали развертывание. И только ночью перебрались на свое «законное» место. Пусковые установки превратили в мазанки. На выхлопные трубы дизелей надели резиновые патрубки и пустили их в кусты, чтобы не демаскировали позицию. Думали — сразу бой. А нам — режим радиомолчания. Двое суток сидели тихо.

Только 3 августа около десяти часов утра появился израильский самолет-разведчик. Мы его не стали трогать, а египтяне открыли огонь. Конечно, их позиции тут же засекли. Наступило затишье. Нервы у всех были на пределе. По опыту знали, что в любую минуту может последовать налет.

Ждать особенно долго не пришлось. В 14.44 поступило сообщение о приближении авиации противника. Всего, как потом выяснилось, в налете участвовало 32 самолета. Восемнадцать из них составляли ударную группу, а остальные устанавливали помехи. Был и воздушный командный пункт на вертолете.

Первая четверка «Миражей» стала бомбить ложные позиции. Новая группа шла в плотном строю парами. Я понял, что надо вести огонь по ведущим — всех не обстреляешь. С соседним дивизионом Попова мы установили громкоговорящую связь. Они первыми сбили «Фантом». Теперь очередь была за нами. Старший лейтенант Бешенцев пустил две ракеты. Они вдребезги разнесли цель. Вновь отличился Попов. Чем ответим мы? На сей раз снайперски вели огонь наши средства прикрытия под руководством командира стартовой батареи капитана Ляшенко. Затем снова точно навел ракеты в цель Иван Бешенцев.

Анализируя воздушную обстановку по индикатору кругового обзора, я понял, что израильтяне растерялись. Они не могли нас засечь. Это и нужно было. Не медля ни секунды, я наметил новую цель и приказал взять ее на сопровождение. Операторы радиолокационной станции Василий Алексухин и Владимир Вешняков сработали безукоризненно. Очередной пуск, и обломки самолета беспорядочно закружились в воздухе. А через минуту-вторую

ситуация повторилась. И вновь ведущий очередной пары грохнулся в пустыню.

Всего четырнадцать минут длился бой. Когда подвели итоги, то выяснилось, что мы сбили четыре самолета, дивизион Попова — три, а еще четыре — наши средства прикрытия. Всего — 11 современных самолетов. Взято в плен девять летчиков. Сумма потерь — около 50 миллионов долларов.

Казалось бы, после такой крупной победы можно только радоваться. Но именно те часы стали для меня самыми трудными. Дело в том, что весь боекомплект мы расстреляли, а новый не подвезли. Надо срочно уходить, менять позицию. Но вопреки здравому смыслу поступила команда ждать. Если бы израильтяне предприняли новый налет, от нас мокрого места не осталось бы.

После этого дня нам дали время на передышку. Израильское командование не на шутку встревожили резко возросшие потери. Уже 5 августа было подписано соглашение о прекращении огня. В пятидесятикилометровую зону по обе стороны Суэцкого канала были введены войска ООН.

Нас, группу офицеров и солдат, отвезли в Александрию. Там мы купались, загорали, ловили рыбу. В конце августа разыскал меня замполит соседнего дивизиона и ошарашил новостью: «С тебя причитается за Героя». Я не поверил. Но вечером поступило указание вместе с офицерами дивизиона прибыть в Каир...

В Египте нас угнетала оторванность от Родины. Газеты приходили с опозданием на неделю-полторы, а радиоприемник разрешалось слушать только замполиту. До нас, конечно, доходили слухи, что израильтяне знают с нашим пребыванием в Египте и высоко оценивают боевое мастерство советских солдат, офицеров, но официальная наша пропаганда говорила совсем другое.

10 октября 1970 года МИД СССР, к примеру, выступил со специальным заявлением, в котором решительно и категорически «отмел» измышление «некоторых официальных лиц США о том, что якобы в Египте, в районе Суэцкого канала, появились зенитные ракетные установки с советским, обслуживающим персоналом».

Каково нам было такое читать?

22 февраля 1971 года мы погрузились на теплоход «Иван Франко» и через несколько дней были уже в Севастополе. Встречали торжественно. Как героев. Героев «неизвестной» войны. Что-то, а провожать и встречать у нас умеют.

После фанфар нас отвели в военный городок, заставили сдать все вещи. Даже изношенные носки забрали. Выдали взамен старое, изношенное обмундирование. У солдат и сержантов изъяли даже подарки, которые они привезли родителям. Когда «египтяне» стали возмущаться, их уволили в запас, несмотря на то что солдаты, сержанты проявили героизм в Египте, имели ордена, медали. Я протестовал, обращался в высшие инстанции, но ничего не добился.

Теперь, кстати, когда я слышу, как бедствуют «афганцы», что с ними обращаются по-хамски, то не удивляюсь. Я знаю, откуда это идет...

Уходит в прошлое и время, когда в стране были «секретные» герои «неизвестных» войн. «Рассекречивание» их, это, на мой взгляд, не только воздание должного волонтерам бескорыстия и воинского долга, но и одна из гарантий того, что никогда больше военные не станут заложниками чьих-то политических амбиций, авантюр. По крайней мере, я надеюсь на это.

Записал **Д. Повх**

Материал подготовил **В. Покрыш**, председатель первичной организации УБД в Египте ХГСВА

На фото: Герой Советского Союза, воин-интернационалист Кутынцев Николай Михайлович

ОТКРЫТИЕ АМЕРИКИ

Наша организация «Ветеранов войны во Вьетнаме» была создана в январе 2001 года с целью объединить ветеранов войны для оказания посильной помощи им и их семьям в нынешней нелегкой жизни.

Члены нашей организации регулярно собираются на общих собраниях, где вспоминают боевые действия по оказанию помощи Социалистической Республике Вьетнам по отражению американской агрессии в период военных лет 1964-1972 годов, и решают насущные вопросы.

Нами установлены контакты с Вьетнамской общиной г. Харькова, а так же с организацией американских ветеранов войны во Вьетнаме — «VVA», которая объединяет всех ветеранов США. Сейчас ее возглавляет президент Джон Роуган и его заместитель Джек Дивайн, которые избираются на конференции один раз в два года делегатами от всех штатов. В организации «VVA» существуют различные комитеты:

- по социальным вопросам ветеранов и их семей;
- финансовый комитет;
- комитет ветеранских инициатив и другие.

Возглавляет комитет «ветеранских инициатив» председатель Роберт Марас. В этом комитете существует отдел по внешним связям, руководителем его является заместитель председателя Маргарет Портер. Одним из направлений деятельности комитета является поиск военнопленных и пропавших без вести в период ведения войны во Вьетнаме. Они очень много и настойчиво работают в этом направлении. Узнав о существовании нашей организации, они трижды приезжали в Харьков, и у нас установились дружеские отношения. Члены нашей организации оказывали им посильную помощь в их работе. В знак благодарности и дальнейшему расширению контактов, в последний их приезд, руководством «VVA» было направлено в нашу организацию «Соглашение о дальнейшем сотрудничестве», за подписью президента «VVA», и сделано предложение посетить в качестве гостей их очередную отчетно-выборную конференцию, которая проходила в г. Тунисе (штат Аризона).

В состав нашей делегации вошли три человека: руководитель группы — зам. председателя ГОО ВВ во Вьетнаме Марычев Е.Н. и члены организации: Шершнева Н.А. и Варюкин С.А.

Ответственным за наше пребывание и обеспечение было возложено на заместителя директора отдела по внешним связям Майкла Лунини, который постоянно находился с нами и обеспечивал все наши перемещения, а также бытовые и культурные мероприятия, одновременно являясь нашим переводчиком.

Визит проходил с 7 по 20 июля 2006 года. Программа нашего пребывания была заранее спланирована и насыщена всякими мероприятиями. Мы остались очень довольны условиями пребывания во время посещения Америки. Программа была в основном направлена на то, чтобы ознакомить нас с достопримечательностями Америки, с жизнью американцев. Мы посетили в Вашингтоне все мемориалы, посвященные всем войнам, в которых участвовала Америка, начиная с Первой Мировой войны, музеи, Белый дом и так далее.

Первое впечатление — это дороги. Асфальт, который как буд-

то вчера уложен, чистота улиц и проезжей части. На территории города — дорога или поливные газоны (чувствуется работа местных муниципалитетов). Постоянно идет уборка, да и сами американцы не бросают мусор на улицах. Везде стоят мусорные баки и урны для отходов и мусора. Для курения отведены специальные места. Через каждые 150-200 метров оборудованы бесплатные туалеты со всеми «наворотами» (везде указано: где и что нажать, куда бросать бумагу после ее использования).

После четырех дневного пребывания в Вашингтоне мы перелетели в Тусон — место проведения конференции, где жили в пятизвездочной гостинице. Для нас был отведен в их работе целый день, где мы выступали с отчетом. В остальные дни мы беседовали с ветеранами «VVA». Узнали мы много интересного об их жизни. Например, то, что за участие в боевых действиях ветераны получают 1000 долларов доплаты к пенсии, а мы (для сравнения) получаем 6 долларов. Многие из них занимаются бизнесом. В Тусоне мы ужинали в доме ветерана войны во Вьетнаме, который подарил ему правительство, как инвалиду войны.

Руководство «VVA» проводит большую работу по социальным вопросам с правительством, со спонсорами. В общем, организация по нашим меркам богатая, коль смогла пригласить и оплатить пребывание наших трех человек в течение 14 дней.

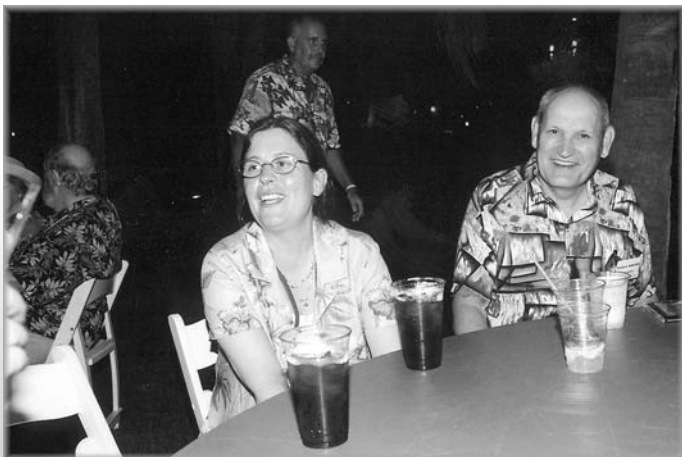
В Тусоне мы беседовали с губернатором Аляски, а в Цинцинати — с конгрессменом. В Цинцинати в первый день мы посетили местное отделение «VVA», где нам был оказан прием и сделан подарок — картина мемориала, которую мы передали в музей Афганской организации города Харькова.

На второй день был оказан прием руководством побратимства г. Харькова и г. Цинцинати в ресторане принадлежащий украинке, которая является спонсором, и очень чисто говорит по-украински. Ночевали мы в американских семьях, где нас принимали очень хорошо. И вообще, американцы — хорошие люди. Я поинтересовался, кто и сколько им за это платит, оказывается никто и нечего. Просто люди хотят оказать помощь ветеранам.

Провожали нас очень тепло. Был прощальный ужин в доме Моки Портер, которая и организовала эту поездку, за что ей и ее помощнику Майклу Лунини наше большое спасибо.

В процессе нашего пребывания были намечены пути нашего дальнейшего сотрудничества, которые после обработки американцы привезут к нам в феврале месяце. Затем мы их обсудим в нашей организации и примем к руководству.

На фото: во время поездки харьковских «вьетнамцев» в США

Жаркое небо Афганистана

Вступление

Афганистан — это слово в нашем представлении прочно и неразрывно связано с войной. Действительно, страна уже десятилетия без перерыва охвачена боевыми действиями, начало которым положил отнюдь не ввод советских войск в декабре 1979 года, обернувшийся затем наиболее масштабным военным конфликтом с участием советских солдат после Великой Отечественной войны, в свою очередь, занявшим без малого целиком последнее десятилетие существования самого СССР.

Эта война стала судьбой целого поколения, у которого со словом «Афган» связаны слишком многое — участие в тяжелом и трудном деле, суровые испытания, раны и потеря товарищей, — все то, что и сегодня, после распада пославшей солдат на войну страны, оставляет всех прошедших ее и погибших бойцов не русскими, украинцами или узбеками, но — «нашими».

Война у южных рубежей бывшего Советского Союза продолжается и поныне. Однако так было далеко не всегда. На протяжении многих лет СССР и Афганистан связывали крепкие и, без кавычек, дружелюбные отношения. Уже при обретении независимости Афганистана в 1919 году Советская Россия первой признала его суверенитет. В послевоенные годы правивший король Захир-Шах и сменивший его Дауд-Хан с уважением относились к СССР, видя в нем надежного союзника. В стране работали советские специалисты, шло совместное строительство предприятий и дорог, и велся оживленный обмен товарами, благо изделия советской промышленности — от галош и одеял до грузовиков — высоко ценились в небогатой соседней стране. В афганской армии все, начиная полевыми кухнями и кончая ракетами, было советского происхождения, в СССР училось большинство офицеров, а в каждой части находились советские военные советники и специалисты, помогавшие осваивать технику и организовывать службу.

С изъятиями горячей дружбы к СССР обратились и организаторы апрельской революции 1978 года, провозгласившие «скачок в социализм». Задуманные и декларируемые перемены быстро обернулись кровавой борьбой за власть, междоусобицами и массовыми репрессиями, обезглавившими армию и хозяйство. Партия, называвшая себя Народно-демократической (НДПА), принялась за дело с большевистской решимостью, уничтожая «реакционное духовенство, купцов и феодалов» и выкорчевывая в исламской стране вековые традиции и культуру под видом «демократических реформ». Х. Амин, один из лидеров НДПА и ярый поклонник Сталина, выдвигал радикальный путь разрешения проблем: «У нас в стране десять тысяч крупных землевладельцев. Мы уничтожим их, и вопрос решен».

Провозглашенную диктатуру пролетариата, при почти полном его отсутствии, поручалось осуществить армии, насчитывавшей более 100 тысяч человек, 650 танков и 150 боевых самолетов (ВВС располагали тогда МиГ-17, МиГ-21, Су-7 и Ил-28). Однако этих сил вскоре стало не хватать Кабулу, столкнувшемуся с растущим сопротивлением оппозиции и племен, мятежами в городах и самой армии, ослабленной чистками и воцарившимся разбродом. Ответом стали новые репрессии — уже в первом списке казненных были названы 12 тысяч человек, в числе которых оказались и многие видные военные.

Весной и летом 1979 года мятежи и волнения шли уже повсюду, и надежд на стабилизацию положения силами самого Кабула не оставалось. Крупнейшим стало мартовское восстание в гарнизоне Герата, где погибли и советские советники — первые жертвы еще не начавшейся войны. Призывы к давнему партнеру и союзнику — СССР — о срочной помощи оружием и войсками следовали почти ежедневно. Правители Афганистана для «поддержки революции» срочно нуждались минимум в двух советских дивизиях, десантных частях, спецназовских бригадах, экипажах к боевой технике, батальонах личной охраны и даже подразделениях советской милиции. Среди прочих необходимых для «социалистического строительства» вещей, помимо бронетехники, артиллерии и боевых вертолетов, особо настоятельно требовалось «прислать напалм и газовые бомбы», необходимые для ударов по непокорным селениям.

У советского правительства тогда хватило выдержки не вмешиваться, ограничившись военно-технической помощью и вооружением, посылкой советников и обучением афганских военных. Однако осенью 1979 года просьбы о помощи приобрели буквально истерический характер — в стране повсюду шли непрерывные стычки с формированиями оппозиции и мятежными племенами.

23 декабря 1979 года в «Правде» появилось сообщение: «В последнее время западные, особенно американские, средства массовой информации распространяют заведомо инспирированные слухи о некоем «вмешательстве» Советского Союза во внутренние дела Афганистана. Дело доходит до утверждения, что на афганскую территорию будто бы введены советские «боевые части». Все это, разумеется, чистой воды вымысел». Однако приказ о вводе войск был уже отдан. Через несколько дней Л. И. Брежнев в интервью той же «Правде» объяснял его необходимостью «не допустить превращения Афганистана в империалистический военный плацдарм на южной границе нашей Родины».

На выбор Кремлем пути военного решения проблемы повлияло сочетание сразу нескольких причин: стремление поправить в свою пользу геополитическую обстановку, расширяя число государств социалистической ориентации, и идеологическая убежденность в правоте «революционного процесса». Свою роль сыграло и уже шедшее втягивание СССР в разгоравшуюся войну — военно-техническое, экономическое и моральное. Вера в «единственно правильное учение» и правоту силы подтолкнуло советское правительство к постановлению — «направить в Афганистан ограниченные воинские контингенты для выполнения задач, о которых просит правительство Афганистана. Эти задачи состоят исключительно в том, чтобы оказать содействие Афганистану в отражении внешней агрессии». Попутно передовым отрядам десантников поручалось избавиться от наиболее одиозной части кабульского правительства, подозревавшегося в готовности «сдать страну американцам».

Посылая войска, в Кремле не хотели замечать, что Афганистан, по сути, уже охвачен гражданской войной, в которую неминуемо будут вовлечены советские солдаты и офицеры. Опыт военного вмешательства, опробованный в Венгрии и Чехословакии, внушал уверенность в успехе предприятия. Однако на этот раз он сыграл дурную роль — армия оказалась в гуще конфликта, где чужое военное присутствие спровоцировало усиление мятежного движения, направленного теперь уже в первую очередь против советских войск, а незнание местных обычаев и традиций Востока лишь усугубило положение, многократно приумножив ряды противника.

На ближайшем пленуме ЦК КПСС в июне 1980 года вдогонку армии провозглашалось — «Смелый, единственно верный, единственно мудрый шаг, предпринятый в отношении Афганистана, с удовлетворением был воспринят каждым советским человеком». Кремлевские стратеги не задумывались о другом опыте истории — не принесших успеха в трех англо-афганских войнах, итог которых еще в конце прошлого века подвел британец Феррье. «Иностранец, которому случится попасть в Афганистан, будет под особым покровительством неба, если выйдет оттуда здоровым, невредимым и с головой на плечах». По его следам теперь двинулись на юг солдаты и офицеры 40-й армии...

Истребительно-бомбардировочная авиация

«Ограниченный контингент советских войск», введенный в Афганистан 25 декабря 1979 года (знаменитая позднее 40-я армия), практически сразу был усилен вертолетными частями и истребителями-бомбардировщиками с баз ТуркВО и САВО. Как и вся операция по «оказанию интернациональной помощи афганскому народу», переброска авиационной техники и людей проходила в условиях строгой секретности. Задача — перелететь на аэродромы Афганистана и перебросить туда все необходимое имущество — была поставлена перед летчиками и техниками буквально в последний день.

«Опередить американцев» — именно эта легенда позднее с упорством оттаивалась для объяснения причин ввода частей Советской армии в соседнюю страну. Первым в ДРА перебазировались две эскадрильи истребителей-бомбардировщиков Су-17 217-го АПИБ из Кзыл-Арвата. Они имели «облегченный» состав, насчитывая по 8 боевых самолетов и одной «спарке». Местом базирования выбрали аэродром Шинданд, там же разместили и отдельную вертолетную эскадрилью.

При перебазировании никаких проблем не возникло — после полуторасового ночного перелета первая группа Ан-12, доставившая технические экипажи и необходимые средства наземного обслуживания, приземлилась в Афганистане, следом были переброшены Су-17. Поспешность и неразбериха давали себя знать — никто не мог с уверенностью сказать, как встретит их неизвестная страна, в чьих руках находится аэродром и что ждет на «новом месте службы».

Условия Афганистана были далеки от комфортных и мало напоминали привычные аэродромы и полигоны. Как гласила ориентировка Генштаба, «по характеру местности Афганистан — один из самых неблагоприятных для действий авиации районов». Впрочем, действиям авиации не благоприятствовал и климат. Зимой 20-градусные морозы внезапно сменялись затяжными дождями и сыростью. Весной и осенью часто дул «афганец» и налетали пыльные бури, снижавшие видимость до 200-300 м и делавшие полеты невозможными. Еще хуже приходилось летом, когда температура воздуха поднималась до +52°С, а обшивка самолетов под палящим солнцем накалялась до +80°С. Постоянная иссушающая жара, не спадавшая и ночью, однообразное питание и отсутствие условий для отдыха изматывали людей.

Аэродромов, пригодных для базирования современных боевых самолетов, было всего четыре — Кабул, Баграм, Шинданд и Кандагар. Они располагались на высоте 1500-2500 м над уровнем моря. Одобрения на них заслуживали разве что отличного качества ВПП, особенно «бетонки» Кандагара и Баграма, уложенные еще американцами (друживший с СССР Захир-Шах обустраивал баз доверил все же западным специалистам). Навигационные системы, средства связи и даже светотехника были далеко не новыми, изношенными и мало отвечали условиям работы современной авиации. Все необходимое для обустройства, оборудования стоянок и обеспечения полетов — от продовольствия и постельного белья до запчастей и боеприпасов — пришлось доставлять из СССР. Сеть дорог была развита слабо, железнодорожного и водного транспорта попросту не существовало, и вся нагрузка легла на транспортную авиацию.

В марте — апреле 1980 года начались боевые действия армии ДРА и советских войск против группировок, не желавших примириться с навязанной стране «социалистической ориентацией». Специфика местных условий сразу же потребовала широкого применения авиации, поддерживавшей действия наземных войск и наносившей удары по труднодоступным местам. В целях повышения координации и оперативности действий авиационные части, расположенные в ДРА, поначалу входившие в «экспедиционный» 34-й смешанный авиакорпус, были реорганизованы в ВВС 40-й армии (единственной армии в советских ВС, получившей собственную авиацию) и были подчинены находящемуся в Кабуле командованию армии, при котором находился командный пункт ВВС. Истребители-бомбардировщики в это время были представлены, помимо 17 Су-17 в Шинданде, и чирчикскими МиГ-21 ПФМ 136-го АПИБ, одна-две эскадрильи которых «кочевали» между Кабулом, Баграмом и Кандагаром.

Поначалу противником являлись разрозненные, малочисленные и слабо вооруженные группировки, не представлявшие практической опасности для боевых самолетов. Поэтому тактика была довольно простой — по обнаруженным вооруженным группам наносились удары бомбами и неуправляемыми ракетами (НАР) типа С-5 с малых высот (для большей точности), а основная трудность состояла в ориентировании на однообразной горно-пустынной местности. Случалось, что летчики по возвращении не могли точно указать на карте, где они сбросили бомбы. Другой проблемой стало само пилотирование в горах, высота которых в Афганистане достигает 3500 м. Обилие естественных укрытий — скал, пещер и растительности — заставляло снижаться при поиске целей до 600-

800 метров. Кроме того, горы затрудняли радиосвязь и усложняли руководство полетами.

Изнуряющие климатические условия и напряженная работа привели к росту количества ошибок в технике пилотирования и нарушений при подготовке самолетов, да и средний возраст летчиков «первого заезда» не превышал 25-26 лет.

Нелегко приходилось и технике. Жара и высокогорье съедали тягу двигателей, вызывали перегрев и отказ оборудования (особенно часто выходили из строя прицелы АСП-17), пыль забивала фильтры и выводила из строя топливную аппаратуру. Ухудшались взлетно-посадочные характеристики, возрастал расход топлива, снижался потолок и боевая нагрузка. Разбег Су-17 летом и при нормальном взлетном весе возрастал в полтора раза. При посадках перегревались и выходили из строя тормоза колес, лопалась и горела «резина» пневматиков.

Работа автоматического прицела при бомбометании и пуске ракет в горах была ненадежной, и приходилось применять оружие в ручном режиме. Риск столкновения с горой в тесноте ущелий при атаке или выходе из нее требовал выполнения особых маневров, например, горки с заходом на цель и пуском ракет с высоты 1600-1800 м, что приводило к значительному рассеиванию и, в сочетании со слабой боевой частью, делало их малоэффективным средством. Поэтому в дальнейшем С-5 применялись только против слабозащищенных целей на открытой местности. В борьбе с укреплениями и огневыми точками хорошо себя проявили тяжелые НАР С-24, имевшие повышенную точность и более мощную боевую часть весом 25,5 кг. Подвесные пушечные контейнеры УПК-23-250 оказались практически неприемлемы для Су-17 — для них не было подходящих целей, да и двух встроенных 30-мм пушек НР-30 было достаточно. Так же не пригодились и СППУ-22 с подвижными пушками — местность мало подходила для их применения, а сложность устройства обусловила чрезмерные затраты времени на обслуживание. Требования оперативности боевых вылетов, проблемы со снабжением и сложные местные условия быстро определили основные направления при подготовке авиатехники — быстроту и максимальную упрощенность снаряжения, требующие как можно меньших затрат времени и сил. Достаточно много претензий вызывали и сами Су-17 «без буквы» — машины самых первых серий с ограниченным запасом топлива и невысокими боевыми возможностями. В ТуркВО оперативно направили новые Су-17МЗ, выгодно отличавшиеся по характеристикам, уровню оборудования и вооружения, готовя полки и переучивая летчиков для замены «Тройки» стали в Афганистане основным типом машин ИБА почти до самого конца войны.

Боевые действия быстро приобрели широкомасштабный размах. Попытки правительства «навести порядок» приводили лишь к растущему сопротивлению, а бомбовые удары отнюдь не вызывали у населения уважения к «народной власти». Кзыл-Арватский полк через год сменили Су-17МЗ 136-го АПИБ из Чирчика, а затем в Афганистан перелетел полк из Мары. Впоследствии по решению главного штаба ВВС через ДРА должны были пройти и другие полки истребительно-бомбардировочной авиации для приобретения боевого опыта, выработки навыков самостоятельных действий, и не в последнюю очередь, выявления в боевой обстановке способностей личного состава. Проверке подверглась и техника, в напряженной эксплуатации наиболее полно раскрывавшая свои возможности и недостатки. Однако, несмотря на такую «эстафету», находившиеся «под рукой» полки ИБА из Мары и Чирчика привлекались к боевой работе практически ежегодно, вылетая на замену или базирясь на приграничных аэродромах, вылеты с которых засчитывались им как летно-тактические учения.

Для проведения операций в удаленных районах Су-17 из Шинданда перебрасывались на авиабазы Баграм под Кабулом и Кандагар на юге страны.

Расширение масштабов боевых действий потребовало повышения эффективности вылетов и совершенствования тактики. В первую очередь это было связано с тем, что изменились сам противник. Уже с 1980-1981 годов начали действовать крупные отряды оппозиции, хорошо вооруженные и оснащенные на базах в Иране и Пакистане, куда из многих стран арабского мира и Запада поступало современное вооружение, средства связи и транспорт. Наибольшую угрозу для них представляла авиация, и вскоре моджахеда получили средства ПВО — крупнокалиберные пулеметы ДШК и зенитные горные установки (ЗГУ). По низколетящим самолетам и вертолетам огонь велся также из ручного оружия — автоматов и пулеметов. В результате 85% всех повреждений авиационной техники приходилось в то время на пули калибра 5.45, 7.62 и 12.7 мм.

Возросшая опасность при выполнении боевых задач заставляла принять меры по улучшению подготовки летчиков, направлявшихся в ДРА. Она была разделена на три этапа. Первый проходил на своих аэродромах и занимал 2-3 месяца изучения района боевых действий, освоения тактических приемов и особенностей

пилотирования. Второй занимал 2-3 недели спецподготовки на полигонах ТуркВО с бомбометанием и стрельбой в пустыне и горах, где прицеливание имело массу тонкостей, и наконец, на месте летчики вводились в строй в течение 10 дней. Позднее афганский опыт ввели в практику боевой учебы ВВС и полки перебрасывались в ДРА без особой подготовки, сводя ее к одной-двум неделям интенсивных тренировок на боевое применение перед самым перелетом. Прибывших летчиков-новичков ИБА с местными условиями знакомили пилоты из сменяемой группы, вывозя их на «спарках» Су-17УМ.

Широкое применение авиации требовало четкой организации ее взаимодействия со своими войсками и точного определения местонахождения противника. Однако пилоты сверхзвуковых истребителей-бомбардировщиков, оснащенных самым современным оборудованием зачастую не могли самостоятельно отыскать малозаметные цели на однообразной горной местности среди ущелий и перевалов. По этой причине одна из первых масштабных операций, проведенная в долине реки Панджшер в апреле 1980 года (известная как первая панджшерская), планировалась без привлечения самолетов. Три советских и два афганских батальона, участвовавшие в ней, поддерживались лишь артиллерией и вертолетами.

Повысить эффективность действия авиации и облегчить работу летчиков должна была предварительная разведка объектов будущих налетов. Ее поначалу выполняли МиГ-21Р и Як-28Р, позднее — Су-17МЗР, оснащенные подвесными разведывательными контейнерами ККР-1/Т ККР-1/2 и ККР-2А с набором аэрофотоаппаратов для плановой перспективной и панорамной съемки инфракрасными (ИК) и радиотехническими (РЛ) средствами обнаружения. Особенно важной оказалась роль разведки при подготовке крупных операции по уничтожению укрепрайонов и чистке местности. Полученная информация наносилась на фотопланшеты, где были указаны размещение целей и средств ПВО противника, особенности рельефа местности и характерные ориентиры. Это облегчало планирование ударов, а летчики могли познакомиться с районом и определиться с выполнением задачи. Перед началом операции проводилась доразведка, позволявшая окончательно уточнить детали.

Ночное фотографирование ущелий и перевалов (а оживление в лагерях моджахедов, передвижение караванов с оружием и выход на позиции происходили в основном скрытно, по ночам) с подсветом светящимися авиабомбами и фотопатронами ФП-100 оказалось не всегда эффективным. Множество резких теней, возникавших в горах при искусственном освещении, делало применение аэрофотоаппаратов УА-47 практически бесполезным — полученные снимки не поддавались дешифровке. Выручала комплексная разведка с использованием ИК оборудования и радиотехнических систем СРС-13 и СРС-9, засекавших работу радиостанций противника. Усовершенствованная ИК аппаратура «Зима» позволяла ночью обнаруживать по остаточному тепловому излучению даже следы от проехавшего автомобиля или потухший костер. Готовя «работу на день» вокруг Кабула, Баграма и Кандагара по ночам работали до 4-6 разведчиков Су-17МЗР (с августа 1988 — Су-17М4Р).

Появление в небе разведчиков не сулило моджахедам ничего хорошего. Как правило, вслед за ними прилетали ударные самолеты, да и сами разведчики обычно несли вооружение, позволявшее им самостоятельно выполнять охоту в заданном районе. При этом самолет ведущего помимо разведывательного контейнера нес пару тяжелых НАР С-24, а ведомого — 4 НАР С-24 или бомбы.

К 1981 году боевые операции в Афганистане приобрели масштабы, потребовавшие применения больших групп самолетов. Из-за трудностей базирования на территории ДРА (главным образом, малого количества аэродромов и проблем с подвозом боеприпасов и топлива) сосредоточение привлекаемой к нанесению ударов авиатехники производилось на аэродромах ТуркВО и САВО. Существенную долю там составляли Су-17МЗ, выгодно отличавшиеся от других самолетов значительной боевой нагрузкой и большей эффективностью при действиях по наземным целям. «Пропускавшие» через Афганистан полки Су-17 размещались на аэродромах Чирчика, Мары и Кокайты. Местные полки работали «за речкой» почти постоянно и в случае задержек с плановой заменой частей оказывались в ДРА «вне очереди».

Работа с баз ТуркВО требовала использования на Су-17 подвесных топливных баков, что снижало боевую нагрузку. Пришлось пересмотреть используемые варианты вооружения в пользу наиболее эффективных. Су-17 стали снаряжаться фугасными и осколочно-фугасными авиабомбами (ФАБ и ОФАБ), в основном, калибрами 250 и 500 кг (применявшиеся ранее «сотки» оказались недостаточно мощными для ударов в горах). Многозамковые бомбоподдержатели МБД-У6-68, каждый из которых мог нести до шести бомб, применялись редко — поднять в жару большое количество боеприпасов, делающих оптимальным их подвеску на МБД, Су-17

было просто не под силу, да и каждая из балок сама тянула на полтора килограмма.

Широко применялись на Су-17 бомбовые связки и разовые бомбовые кассеты РБК, «засеивавшие» осколочными или шариковыми бомбами сразу несколько гектаров. Они были особенно эффективны в условиях, где каждый камень и расщелина становились укрытиями для противника. Недостаточно мощные 57-мм НАР С-5 заменялись новыми 80-мм НАР С-8 в блоках Б-8М. Вес их боевой части был увеличен до 3,5 кг, а дальность пуска позволяла поражать цель, не входя в зону зенитного огня. Обычно боевая нагрузка Су-17 определялась из расчета надежного выполнения задания и возможности безопасной посадки при неисправности (по посадочному весу самолета) и не превышала 1500 кг — трех «пятисоток».

Летняя жара не только снижала тягу двигателей и надежность оборудования. Сами летчики не могли подолгу ожидать вылета в раскаленных кабинах, поэтому вылеты по возможности планировались на раннее утро. Установившийся распорядок обычно сводился к нескольким вылетам с утра, сменявшимся полуденной передышкой, позволявшей переждать жару, и вечерней «добавкой», если противник продолжал выказывать активность. «Капризными» были и некоторые виды боеприпасов: зажигательные баки, НАР и управляемые ракеты имели ограничение по температуре и не могли долгое время оставаться на подвеске под палящим солнцем.

Важной задачей также были превентивные акции, направленные на уничтожение караванов с боеприпасами и оружием, разрушение горных троп и перевалов, по которым моджахеда могли подобраться к защищаемым объектам. Мощные бомбы ФАБ-500 и сбрасывавшиеся залпом ФАБ-250 вызывали обвалы в горах, делая их непроходимыми, применялись они и для уничтожения скальных укрытий, складов и защищенных огневых точек. Типовыми вариантами вооружения при вылете на «охоту» были два ракетных блока (УБ-32 или Б-8М) и две бомбовые кассеты (РБК-250 или РБК-500) или четыре НАР С-24, причем в обоих вариантах подвешивались два ПТБ-800.

На стороне противника были хорошее знание местности, поддержка населения и умение пользоваться естественными укрытиями и маскироваться. Отряды оппозиции быстро передвигались и оперативно рассредотачивались в случае опасности. Обнаружить их с воздуха было нелегко даже по наводке из-за отсутствия характерных ориентиров на однообразной местности. К тому же самолеты и вертолеты все чаще натывались на зенитный огонь. В среднем в 1980 году вынужденная посадка приходилась на 830 часов налета или примерно на 800-1000 вылетов (а мест, пригодных для посадки подбитого самолета, было крайне мало).

Для повышения боевой живучести конструкция и системы Су-17 постоянно дорабатывались. Анализ повреждений показал, что чаще всего выходят из строя двигатель, его агрегаты, топливная и гидросистемы, управление самолета. Проведенный комплекс работ включал установку накладных подфюзеляжных бронеплит, защищавших коробку приводов, генератор и топливный насос, заполнение топливных баков пенополиуретаном и наддув их азотом, что предотвращало воспламенение и взрыв при попадании в них осколков и пуль, изменения в конструкции прицела АСП-17, устранявшие его перегрев. Устранен был и дефект в конструкции тормозного парашюта, замок крепления которого иногда обрывался, а самолет выкатывался за пределы ВПП и получал повреждения. Выручали прочность конструкции и выносливость Су-17. Бывали случаи, когда возвращавшиеся с боевого задания поврежденные машины слетали с полосы и зарывались в грунт по самое «брюхо». Их удавалось восстановить на месте и вновь ввести в строй. Двигатели АЛ-21Ф-3 надежно работали даже в несущий песок и камни «афганец», переноса и немислимые в нормальных условиях забо-

ины лопаток компрессора, и загрязненное топливо (трубопроводы, протянутые от советской границы для его доставки, постоянно обстреливались, подрывались, а то и просто развинчивались охотим до дармового горючего местным населением). В результате Су-17МЗ к 1985 году по надежности опережали штурмовики и боевые вертолеты, имея наработку на отказ 145 часов (при среднем в ВВС 40-й армии значении 133,7).

Для снижения потерь были выработаны новые рекомендации по тактике боевого применения самолетов. Заход на цель рекомендовалось выполнять с большой высоты и скорости, с пикированием 30-45°, что затрудняло противнику прицеливание и снижало эффективность зенитного огня. По данным на 1985 год, на скорости свыше 900 км/ч и высотах более 1000 м боевые повреждения у Су-17 вообще исключались. Для достижения внезапности удар предписывалось выполнять с ходу, сочетая в одной атаке пуск ракет со сбросом бомб. Правда, точность такого бомбоштурмового удара (БШУ) из-за большой высоты и скорости снижалась почти вдвое, что приходилось компенсировать увеличением количества самолетов ударной группы, выходявших на цель с разных направлений, если позволяла местность.

Уже в 1981 году насыщенность районов боевых действий средствами ПВО достигла таких масштабов, что при планировании операций приходилось принимать во внимание необходимость их преодоления. Вокруг укрепленных районов и баз моджахедов насчитывалось до нескольких десятков зенитных огневых точек. Снижение риска достигалось умелым использованием рельефа местности, обеспечивавшим скрытность подхода и внезапность выхода на цель, а также выбором путей отхода после атаки.

Как правило, первой в намеченном районе появлялась пара Су-17, задачей которой была доразведка и целеуказание осветительными и дымовыми бомбами, упрощавшее ударной группе выход на цель. Пилотировали их наиболее опытные летчики, имевшие боевой опыт и навыки обнаружения малозаметных объектов. Поиск противника выполнялся на высоте 800-1000 м и скорости 850-900 км/ч, занимая около 3-5 минут. Дальше все решала быстрота удара, не дававшая противнику организовать ответный огонь.

На обозначенную САБ цель через одну-две минуты выходила группа подавления средств ПВО из 2-6 Су-17. С высоты 2000-2500 м они обнаруживали позиции ДШК и ЗГУ и с пикирования наносили удар НАР С-5, С-8 и кассетами РБК-250 или РБК-500. Уничтожение зенитных точек выполнялось как одиночным самолетом, так и парой — ведомый «добивал» очаги ПВО. Не давая противнику опомниться, через 1-2 минуты над целью появлялась основная ударная группа, выполнявшая атаку с ходу. На укрепления и скальные сооружения обрушивались бомбы ФАБ-250 (ОФАБ-250) и ФАБ-500 (ОФАБ-500), ракеты С-8 и С-24. Надежные и простые в эксплуатации С-24 имели большую дальность и точность пуска (особенно с пикирования) и применялись очень широко. Для борьбы с живой силой использовались кассетные боеприпасы РБК-250 и РБК-500. При действиях в «зеленке» и на открытых местах иногда использовались зажигательные баки с огнесмесью. Пушки постепенно утрачивали свое значение — их огонь при больших скоростях и возросших высотах был неэффективен.

Для повторной атаки самолеты выполняли маневр с расхождением, поднимаясь до 2000-2500 м, и вновь наносили удар с разных направлений. После отхода ударной группы над целью опять появлялись разведчики, производившие объективный контроль результатов БШУ. Выполнение задачи следовало подтвердить документально — в противном случае наземные войска могли ожидать неприятные сюрпризы. При выполнении особенно мощных авиационных налетов фотоконтроль выполнял специально вызывавшийся с кабульского аэродрома Ан-30. Его богатое фотооборудование позволяло сделать многоспектральную съемку местности и точно определить степень разрушений. Надежную радиосвязь с КП и согласованность действий обеспечивал постоянно находящийся в воздухе самолет-ретранслятор Ан-26РТ.

Если удар выполнялся для поддержки наземных частей, требовалась повышенная точность, поскольку цели находились вблизи своих войск. Для организации взаимодействия с авиацией частям придавались авианаводчики из ВВС, которые налаживали связь с летчиками, указывали им положение переднего края пуском сигнальных ракет или дымовыми шапками. Атака при поддержке наземных войск продолжалась до 15-20 минут. С помощью авианаводчиков наносились и удары по вызову для подавления вновь выявляемых огневых точек. Для обеспечения скрытности маневра войск или прикрытия их отхода Су-17 привлекались в качестве постановщиков дымовых завес. Для оценки результативности атак летчики не позднее чем через 5-10 минут после посадки, когда еще свежи были впечатления, должны были подать в штаб полка донесение, немедленно передававшееся на КП ВВС.

Еще одной задачей Су-17 стало минирование с воздуха опасных районов и горных троп. Наряду с разрушением перевалов

бомбовыми ударами, их минирование затрудняло моджахедам передвижение, лишая преимущества в подвижности и неожиданности нападения. Для этого использовались КМГУ, каждый из которых нес по 8 блоков, вмещавших 1248 противопехотных фугасных мин. Разбрасывание мин Су-17 производили на скорости порядка 900 км/ч.

При выполнении боевых задач выявились и недостатки, снижавшие эффективность БШУ и увеличивавшие риск повреждения и потерь. Так, при освоении афганского театра боевых действий летчики, выполнив несколько успешных боевых вылетов, склонялись к переоценке своих сил, недооценке противника (особенно его ПВО) и начинали выполнять атаки однообразно без учета особенностей местности и характера целей. Сброс бомб производился не по единой методике, что приводило к их рассеиванию. Несколько звеньев Су-17 были даже возвращены на базы из-за низкой точности ударов и опасности попадания по своим войскам. Так, летом 1984 года под Кандагаром ведущий группы Су-17, отказавшийся от помощи авианаводчика, по ошибке сбросил бомбы на свой пехотный батальон. Погибли четыре человека и девять были ранены.

Другим недостатком было частое отсутствие точных данных о ПВО противника (по сведениям разведки, в районах базирования моджахедов в 1982 году насчитывалось до 30-40 зенитных средств, а в опорных пунктах — до 10). Зенитные пулеметы и ЗГУ маскировались, прятались в укрытиях и быстро выдвигались на огневые позиции. Шаблонность атак и затягивание времени на обработку цели в таких условиях становились опасными. В районе Кандагара летом 1983 года Су-17МЗ был сбит при выполнении шестого (!) захода на цель. Другими причинами потерь были ошибки пилотирования и отказы техники.

Возросшее напряжение боев привело к большим нагрузкам на летчиков и техников самолетов. Специалисты НИИ авиакосмической медицины, изучавшие «человеческий фактор», определили, что чрезмерные нагрузки на организм в течение 10-11 месяцев интенсивных боевых вылетов приводят к «существенным функциональным сдвигам и нарушениям в сердечно-сосудистой и двигательной системах, у 45% летчиков отмечается переутомление и нарушения нормальной психической деятельности». Жара и обезвоживание приводили к потерям в весе (в некоторых случаях до 20 кг) — люди буквально высыхали на солнце. Медики советовали снизить летную нагрузку, сократить время ожидания перед вылетом и создать благоприятные условия для отдыха. Практически же единственной реализуемой рекомендацией стало соблюдение предельно допустимой летной нагрузки, определенной в 4-5 боевых вылетов за смену.

На основе накопленного опыта были сформированы смешанные группы, состоявшие из истребителей-бомбардировщиков, штурмовиков и вертолетов, дополнявших друг друга при поиске и уничтожении противника. С их применением в декабре 1981 — январе 1982 года была проведена тщательно подготовленная операция по уничтожению исламских комитетов «власти на местах» в провинции Фориаб, организовывавших вооруженное сопротивление Кабулу. Кроме сухопутных войск, к операции привлекался воздушный десант (1200 человек) и 52 самолета ВВС: 24 Су-17МЗ, 8 Су-25, 12 МиГ-21 и 8 Ан-12. От армейской авиации в операции участвовали 60 советских и 12 афганских вертолетов. Вся операция готовилась в строгом секрете — уже был опыт нанесения ударов по пустым местам в случаях, когда в разработке планов участвовали афганские штабисты. На этот случай для них была разработана легенда, и только за 2-3 часа до начала операции афганских военных посвящали во все детали.

Масштабы операции потребовали, помимо группы пода-

вления ПВО самолетами МиГ-21, выделения трех ударных групп, насчитывавших по 8 Су-17МЗ (первой из них придавались еще и 8 Су-25, особенно эффективных при штурмовке), вооруженных ФАБ-250 и РБК-250 с шариковыми бомбами. Удар на этот раз носился не только по складам с вооружением, позициям ПВО и опорным базам вооруженных отрядов. Уничтожению подлежали штабы исламских комитетов, жилые здания, где могли скрываться моджахеды, и сельские школы, в которых велась «антикабульская агитация». После отхода ударных групп местность обработали Ми-24Д, они же обеспечили огневую поддержку при высадке десанта с Ми-8Т и Ми-6. Несмотря на низкую облачность, действия авиации помогли добиться успеха — база в этом районе перестала существовать. Потери составили один Ми-24Д и два Ми-8Т, сбитые огнем из ДШК.

В апреле 1982 года подобная операция по уничтожению базового района моджахедов проведена была в Рабати-Джали (провинция Нимроз), а 16 мая начались боевые действия по очистке от вооруженных групп долины реки Панджшер. В них участвовали 12 000 человек, 320 танков, БМП и БТР, 104 вертолета и 30 самолетов, в том числе 12 Су-17МЗ. Успех второй панджшерской операции обеспечили разведчики, которые в течение 10 дней вели аэрофотосъемку района предстоящих действий, отсняв для составления подробных фотопланшетов около 2000 кв. км местности. Всего за время операции были израсходованы 10 549 авиабомб и 61 297 НАР.

Афганская кампания приобрела масштабы настоящей войны, в которой авиации приходилось выполнять разнообразные боевые задачи. Истребители-бомбардировщики Су-17 с афганских аэродромов и баз ТуркВО уничтожали объекты и базы противника, вели непосредственную поддержку войск, поддерживали штурмовые группы и десанты, проводили разведку, минирование с воздуха, целеуказание и постановку дымовых завес. При штурмовке и атаках с малых высот чаще применялись Су-25, обладавшие лучшей маневренностью и защищенностью. Однако успех очередной боевой операции оборачивался усилением оппозиции и активностью ответных нападений. Бездна продолжения войны стала очевидной, но к ее прекращению Бабрак Кармаль относился резко отрицательно. Несмотря на предпринимавшиеся усилия по очистке провинций от вооруженных отрядов моджахедов и насаждению «народной власти», фактически под контролем находились только крупные города и патрулируемые зоны вокруг аэродромов, воинских частей и некоторых дорог. Карта, на которой летчикам указывались рекомендуемые места вынужденной посадки и катапультирования, красноречиво говорила о том, кто на самом деле является хозяином положения.

Это отлично видели и афганские летчики (на «сухих» летал 355-й авиаполк, стоявший в Баграме), без энтузиазма относившиеся к боевой работе. В воздух они поднимались крайне редко, в основном чтобы не утратить навыков пилотирования. По словам советских советников участие элиты афганской армии — летчиков — в боях больше напоминало цирк, а не работу. Справедливости ради надо сказать, что и среди них встречались смелые пилоты, не уступавшие в летной подготовке советским летчикам. Таким был заместитель командующего афганских ВВС генерал-лейтенант Мустафа, семью которого вырезали моджахеды. Летчика дважды сбивали, он получил тяжелые ранения, но продолжал летать на Су-22М много и охотно. Большинство же безо всякого энтузиазма относились к боевой работе, при зенитном огне стараясь не подходить к цели ближе, чем на 15–20 км. Иногда их действия внушали такие опасения, что группу афганцев сопровождали советские истребители, прикрывавшие не столько «коллег», сколько свои наземные части.

Если бы афганские товарищи по оружию только плохо воевали — это было бы еще полбеды. Высокопоставленные чины правительственных ВВС выдавали противнику подробности готовящихся операций, а рядовые летчики, случалось, перелетали в соседний Пакистан. 13 июня 1985 года в Шиндане моджахеды, подкупив афганскую охрану аэродрома, взорвали на стоянках 13 правительственных МиГ-21 и шесть Су-7, серьезно повредив еще 13 самолетов. Падение боевого духа со временем сделало дезертирство обычным явлением: так, за 1988–1989 годы афганские летчики использовали для побега 11 своих самолетов и вертолетов.

В начале афганской эпопеи вооруженные отряды оппозиции уходили на зиму за границу для отдыха и переформирования. Напряжения боевых действий в этот период обычно ослабевало. Однако к 1983 году оппозицией было создано множество опорных баз, давших возможность вести бои круглогодично. В этом же году у моджахедов появилось и новое оружие — переносные зенитные ракетные комплексы (ПЗРК), изменившие характер воздушной войны. Легкие, мобильные и высокоэффективные, они могли поражать цели на высотах до 2500 м. ПЗРК легко доставлялись в любой район и использовались не только для прикрытия мест

базирования и вооруженных отрядов, но и для организации засад у аэродромов (прежде попытки нападений на них ограничивались обстрелом издалека). По иронии судьбы первыми ПЗРК были «Стрела-2» советского производства, поступившие из Египта. Только сбитый «Стрелой» прямо над Кабулом в ноябре 1983 года Ил-76 убедил командование в необходимости считаться с возросшей опасностью. В 1984 году отмечено было около 50 пусков ракет, пять из которых достигли цели, сбив два самолета и три вертолета. К 1985 году количество средств ПВО, обнаруженных разведкой, возросло в 2,5 раза по сравнению с 1983 годом, а к концу года увеличилось еще на 70%. Всего за 1985 год выявили 462 зенитные точки.

Для преодоления нарастающей угрозы при планировании вылетов выбирались по возможности безопасные маршруты, на цель рекомендовалось выходить с направлений, не прикрытых средствами ПВО, а атаку проводить в течение минимального времени. Полет к цели и обратно следовало выполнять по разным маршрутам на высоте не менее 2000 м, пользуясь рельефом местности. В опасных районах летчикам предписывалось следить за возможными пусками «Стрел» (в это время все ПЗРК называли «Стрелами», хотя встречались и другие типы — американские «Ред Ай» и английские «Блоупайп») и избегать попаданий энергичным маневром, уходя в сторону солнца или плотной облачности. На самых опасных участках полета — при взлете и посадке, когда самолеты имели небольшую скорость и недостаточную маневренность — их прикрывали вертолеты, патрулировавшие зону вокруг аэродрома. Ракеты ПЗРК наводились по тепловому излучению самолетных двигателей, и поражения ими можно было избежать при помощи мощных источников тепла — инфракрасных ловушек с термитной смесью. С 1985 года ими оснащались все без исключения типы самолетов и вертолетов, применявшиеся в Афганистане. На Су-17 провели комплекс доработок по установке балок АСО-2В (АСО — автомат сброса отражателей), каждая из которых несла по 32 пиропатрона ППИ-26 (ЛО-56), позднее монтировались автоматы отстрела АСО-28И. Вначале устанавливались 4 балки над фюзеляжем, затем 8, и, наконец, их количество возросло до 12. В гаргроте за кабиной установлены были еще 12 более мощных патронов ЛО-43. В зоне действия ПВО противника и при взлете и посадке летчик включал автомат отстрела ловушек, высокая температура горения которых отвлекала на себя самонаводящиеся «Стрелы». Для упрощения работы летчика управление АСО вскоре было выведено на «боевую» кнопку — при пуске ракет или сбросе бомб над защищенной ПВО целью автоматически начинался отстрел ППИ. Боевой вылет самолета, не снаряженного пиропатронами, не допускался.

Другим способом защиты от ПЗРК (помимо подавления ПВО) стало включение в ударную группу самолетов-постановщиков «зонтика» из САБ, которые сами по себе были мощными источниками тепла. Иногда для этого применялись Су-17, проводившие доразведку цели. Крупные тепловые ловушки могли сбрасываться из КМГУ, после чего наносившие удар самолеты выходили на цель, «ныряя» под медленно опускающиеся на парашютах САБ. Принятые меры позволили заметно сократить потери. В 1985 году вынужденная посадка из-за боевых повреждений приходилась на 4605 часов полета. По сравнению с 1980 годом этот показатель улучшился в 5,5 раза. За весь 1985 год зенитные средства «достали» лишь один Су-17МЗ из состава ИБА, когда молодой летчик в пикировании «нырнул» до 900 м и пули ДШК пробили обечайку сопла двигателя, другая машина в феврале при ночной атаке в горах под Кандагаром столкнулась со склоном из-за ошибки летчика. Разведчики в этом году лишились двух Су-17МЗР. В декабре отыскивавший цели летчик снизился в ущелье, попал под огонь

ДШК и был вынужден покинуть потерявшую управление машину, в июле другой самолет сгорел на взлете из-за отказа двигателя.

Анализ потерь за 1985 год показал, что 12,5% самолетов были сбиты из автоматов и ручных пулеметов, 25% — огнем из ДШК, 37,5% огнем из ЗГУ и 25% — ПЗРК. Снизить потери можно было путем дальнейшего увеличения высоты полетов и применением новых типов боеприпасов. Мощные НАР залпового пуска С-13 и тяжелые НАР С-25 запускались с дальности до 4 км, они были устойчивы в полете, точны и снабжены неконтактными взрывателями, повысившими боевую эффективность. Основной же защитой стал уход на большие высоты (до 3500-4000 м), сделавший применение НАР малорезультативным, и главным видом вооружения истребителей-бомбардировщиков стали бомбы. Они уверенно вытесняли другие средства поражения: расход авиабомб в 1987 году возрос до 113 тысяч штук по сравнению с 96 тысячами в предыдущем году, в то время как число ракет снизилось в пять раз — с 1250 тысяч до 226 тысяч штук.

В Афганистане впервые в боевой обстановке были применены объемно-детонирующие авиабомбы (ОДАБ) и боевые части к ракетам. Жидкое вещество такого боеприпаса при попадании в цель рассеивалось в воздухе и образовывавшееся аэрозольное облако подрывалось, поражая противника раскаленной ударной волной в большом объеме, причем максимальный эффект достигался при взрыве в стесненных условиях, сохранявших мощность огненного шара. Именно такие места — горные ущелья и пещеры — служили укрытиями вооруженных отрядов. Чтобы уложить бомбы в труднодоступное место, применялось бомбометание с кабрирования: после сброса самолет уходил вверх из зоны досягаемости зенитного огня, а бомба, описав параболу, падала на дно ущелья. Применялись и специальные виды боеприпасов: так, летом 1988 года Су-17М3 из Мары ломали скальные укрепления бетонобойными бомбами. Корректируемые бомбы и управляемые ракеты чаще использовались штурмовиками Су-25, больше подходившими для действий по точечным целям.

Авиационные налеты велись не только «умением», но и «числом». Суточный расход бомб только на авиабазе Баграм составлял минимум два вагона. При интенсивных бомбежках, которыми сопровождалось проведение крупных операций, в дело шли боеприпасы прямо «с колес», подвозимые с заводов-изготовителей. При особенно большом их расходе со складов отовсюду свозились даже сохранившиеся с тридцатых годов бомбы старых образцов. Бомбодержатели современных самолетов не подходили для их подвески, однако любому оружейнику с афганским опытом известен был способ подгонки — от мешавшего третьего ушка извлекались, делая на каленом металле пару насечек напильником и сшибая его кувалдой. Несмотря на доработки матчасти и тактические приемы, 1986 год стал для «сушек» пиковым по числу потерь, «выбивших» 7 самолетов, в числе которых были 5 Су-17 из состава разведэскадрильи. Одним из них был Су-17М3Р капитана Александрова, сбитый при фотографировании над Горбандом 22 сентября. Летчик катапультировался и вскоре вернулся в строй, однако незадолго до возвращения домой, 16 мая 1987 года, вновь был вынужден покинуть подбитый самолет.

Одной из самых напряженных операций с широким применением авиации была проведенная в декабре 1987 — январе 1988 года «Магистраль» по разблокированию Хоста. Бои велись на территориях, контролируемых племенем Джадран, ни в какие времена не признававшим ни короля, ни шаха, ни кабульского правительства. Граничащие с Пакистаном провинция Пактия и округ Хост были насыщены самым современным оружием и мощными укреплениями. Для их выявления на укрепленные районы высадили ложный воздушный десант и по обнаружившим себя огневым точкам нанесли мощные авиационные удары. При налетах отмечалось до 60 пусков ракет по атакующим самолетам в час. С такой плотностью зенитного огня летчикам еще не приходилось встречаться. В широкомасштабной операции участвовало 20000 советских солдат, потери составили 24 убитых и 56 раненых.

Затянувшаяся война велась уже только ради самой себя, поглощая все больше сил и средств. Конец ей мог быть положен отнюдь не военным путем, и с 15 мая 1988 года начался вывод советских войск из Афганистана. Для его прикрытия на приграничные аэродромы стянули мощные авиационные силы (ТуркВО к этому времени был ликвидирован, слившись с соседним СВАВ, а штаб объединенного округа сохранили в Ташкенте)яз Задача была однозначной — не допустить срыва вывода войск, обстрелов уходящих колонн и нападений на оставляемые объекты. С этой целью требовалось помешать передвижению вооруженных отрядов, срывать их выход на выгодные позиции, наносить упреждающие удары по местам их развертывания, вносить дезорганизацию и деморализовать противника. В канун вывода был потерян последний за афганскую кампанию Су-17М3: 25 апреля летчик из Баграма после попадания птицы покинул самолет, упавший неподалеку от аэродрома.

Об эффективности каждого вылета «за речку» речь уже не шла — поставленные задачи должны были выполняться количественно, «выкатыванием» на афганские горы запасов со всех окружающих складов авиационного боепитания. Бомбардировки велись с больших высот, поскольку по данным разведки к осени 1988 года у оппозиции насчитывалось 692 ПЗРК, 770 ЗГУ, 4050 ДШК. На Су-17М3 и М4, участвовавших в налетах, была доработана радиосистема дальней навигации (РСДН), обеспечивавшая автоматизированный выход на цель и бомбометание. Точность ее оказалась невелика, и в декабре 1988 года при одном из налетов бомбами «накрыли» полевой штаб афганского корпуса.

Второй этап вывода войск начался 15 августа. Чтобы избежать последних жертв подходившей к концу войны, решили увеличить интенсивность бомбежек районов ожидаемого сосредоточения моджахедов и постоянными ударами сопровождать выход колонн, срывая связь между отрядами оппозиции и подход караванов с оружием (а их только за октябрь замечено было больше ста). Для этого широко стали применяться ночные вылеты группами по 8, 12, 16 и 24 Су-17с выходом в заданный район с помощью РСДН на большой высоте и проведением навигационного (площадного) бомбометания. Удары наносились в течение всей ночи с разными интервалами, изматывая противника и держа его в постоянном напряжении близкими разрывами мощных бомб. Два вылета за ночь стали для летчиков обычным делом. Кроме того, велась ночная подсветка местности вдоль дорог с помощью САБ. В конце октября при плановой замене ИБА в Шиндане «сухих» сменил полк трехэскадрильного состава на МиГ-27М и МиГ-27Д из Жангиз-Тобе. Смена «коней» под самый конец войны по указанию Главного Штаба ВВС была продиктована уходящей возможностью испытать МиГи в деле. Им досталась нелегкая задача: 3-4 (а иногда до 6) вылета на летчика в смену в оставшиеся месяцы были нормой.

К зиме особенно важным стало обеспечение безопасности на участке, соединявшем Кабул с Хайратоном на советско-афганской границе. Район Панджшера и южного Саланга контролировали отряды Ахмад Шаха Масуда — «панджшерского льва», лидера независимого и дальновидного. Командованию 40-й армии удалось договориться с ним о беспрепятственном проходе советских колонн. Перемирие сорвали афганские правительственные части, которые постоянно вели провокационные обстрелы селений вдоль дорог, вызывая ответный огонь. Избежать боев не удалось, и 23-24 января 1989 года начались непрерывные авиационные налеты на Южный Саланг и Джабаль-Уссардж. Сила бомбовых ударов была такова, что жители близлежащих афганских кишлаков покидали свои дома и перебирались ближе к дорогам, по которым к границе тянулись грузовики и военная техника.

Вывод войск завершился 15 февраля 1989 года. Еще раньше, к началу месяца, на советские аэродромы перелетели Су-17М4Р из Баграма и МиГ-27 из Шинданда, а наземное имущество было вывезено Ил-76. Но «сухие» еще оставались в Афганистане — 355-й афганский авиаполк продолжал боевые действия на Су-22. Поставки самой современной боевой техники и боеприпасов правительству Наджибуллы с уходом советских войск даже расширились. Война продолжалась, и в 1990 году решением ЦК КПСС и Совета Министров СССР Афганистану были переданы 54 боевых самолета, 6 вертолетов, 150 тактических ракет и множество другой техники. У летчиков 355-го авиаполка впереди были еще три года боев, потерь, участие в неудавшемся мятеже в марте 1990 года и бомбардировки Кабула при взятии его силами оппозиции в апреле 1992 года.

Виктор Марковский
(Продолжение следует)

Наш человек в Афганистане

Возможно, когда-нибудь об этом человеке напишут книгу. Или снимут фильм. А может быть, даже создадут компьютерную игру о головокружительных приключениях русского офицера на Востоке. Потому что он жил и действовал в те времена, когда Запад был Западом, а Восток – Востоком, и любое соприкосновение этих двух миров таило в себе смертельную опасность. Тогда, когда спецслужб еще не существовало в природе, а вместо слова «шпион» использовалось слово «разведчик». И, наконец, это было тогда, когда разведкой действительно занимались неординарные, отчаянно храбрые и беззаветно любящие родину люди.

Я. В. Виткевич

Ян Викторович Виткевич родился в 1809 году в Польше. И, как многие его молодые соотечественники, чуть ли не с детства оказался втянутым в освободительную борьбу. В результате еще четырнадцатилетним мальчишкой он был пожизненно сослан в Орск солдатом без права выслуги.

Казалось бы – это все: жизнь кончилась, так и не начавшись. Мог ли он подумать, отправляясь по этапу в Сибирь, что жизнь его занесет гораздо дальше этого сурового края. А судьба сведет с одним из самых необыкновенных людей его эпохи, который сумеет из непримиримого борца с российским империализмом сделать горячего патриота. Этим человеком оказался Василий Алексеевич Перовский: внук украинского свинопаса Кирилла Розума, герой Бородинского сражения и ярый фанат Востока. Целью всей своей жизни он сделал борьбу за мусульманские окраины России. И активно вовлекал в эту борьбу молодых и способных помощников.

Сейчас трудно сказать, чем именно этот ссыльный поляк сумел привлечь внимание оренбургского губернатора. Может быть, генералу срочно понадобился готовый специалист по востоку, а возможно, свою роль сыграло заступничество известного ученого Александра Гумбольдта. Во всяком случае, Перовский приблизил его к себе, сделал адъютантом и исполнителем большинства из его среднеазиатских проектов. И Виткевич в полной мере оправдал оказанное ему доверие: он знал двадцать языков, выучил наизусть весь Коран, исследовал жизненный уклад и обычаи мусульманских народов и обзавелся среди них многочисленными друзьями.

Естественно, подобная личность просто не могла долго оставаться вне поля зрения вражеской разведки. А врагом России, во всяком случае, в этом регионе, в то время была гордая Великобритания, владычица Индии, претендовавшая на безраздельное владение всем мусульманским Востоком. На пути к достижению намеченной цели англичане не брезговали ничем. В чем Яну Викторовичу и пришлось в скором времени убедиться. Для устранения подающего слишком большие надежды молодого адъютанта был избран ложный донос.

Сидевшие в местной тюрьме по обвинению в клевете мещанин Стариков и фальшивомонетчик Мейер донесли коменданту о том, что среди ссыльных поляков зреет заговор.

Они якобы собираются захватить Оренбург, убить Перовского и других представителей власти и создать в степи польское государство. В качестве руководителей заговора были названы Ян Виткевич и двое его ближайших друзей.

Ночью все они были арестованы. Следственную комиссию возглавил сам губернатор. Слухи о заговоре уже достигли Петербурга, и все дело шло к шпицрутенам и каторге. Однако на этот раз, доселе не замеченный в мягкотелости Перовский, проявил необычайную дотошность. Видимо, сыграли свою роль и криминальные личности доносчиков, и абсурдность самого обвинения, и очень тревожная международная обстановка. Через месяц дело было закрыто, подсудимых выпустили из-под стражи, восстановив в прежних чинах и должностях.

А вскоре для Виткевича нашлось дело, так сказать, «по специальности». «Исполнителю особых поручений», как в те годы называли агентов международной разведки, предстояло путешествие в Афганистан. В 30-х годах XIX века эта страна сделалась настоящим яблоком раздора между Россией и Великобританией. Для обеих держав установка контроля над Афганистаном означала возможность совершить прорыв в богатые среднеазиатские ханства. И одновременно обеспечивало надежные границы в этом регионе. В то время эта бедная гористая местность еще не могла называться единым государством, он, словно лоскутное одеяло, состоял из отдельных ханств и княжеств. Но лидер, способный объединить страну перед лицом внешней опасности, уже имелся. Это был пользовавшийся безусловным всеобщим уважением эмир Дост Муххамад-хан. Именно к нему и направился для ведения переговоров Ян Виткевич. А помешать выполнению этой миссии должен был молодой (всего на несколько лет старше) английский разведчик Александр Бернс.

Таким образом, первый этап борьбы двух держав за Афганистан стала борьба спецслужб.

Осенью 1837 года Ян Виткевич с небольшим отрядом надежных и проверенных людей выехал из Тифлиса. Путь его лежал через Персию в Афганистан. А основной задачей была личная встреча и переговоры с Мухаммад-ханом. Соответственно, основной задачей английской разведки было сделать все, чтобы русская миссия до дворца эмира не доехала. И к слову сказать, ничего сложного в этом, на пер-

вый взгляд, не было. В те времена в этом регионе бесследно исчезали целые торговые караваны вместе с вооруженной охраной.

«Первый звонок» прозвенел сразу по выезду из Сабзавара. Прямо на дороге один за другим стали гибнуть верблюды. Причем самые крупные и выносливые – бактрийской породы. В том, что это дело рук вражеских лазутчиков, Виткевич не сомневался. Как не сомневался он и в своих людях. Вскоре выяснилось, что урядник, ответственный за закупку фуража, приобрел по очень выгодной цене большую партию корма для верблюдов. И часть его успел скормить своим любимым бактрийцам. К счастью, отраву получили не все животные, поэтому было решено продолжать путь.

Следующим этапом на пути экспедиции был маленький городок Фарах, населенный афганцами и таджиками. Измученные тяжелой дорогой и ожиданием неприятностей казаки с надеждой всматривались в зеленый оазис, лежавший на их пути. Но Виткевич не спешил. Что-то подсказывало ему, что на пути к Фараху его еще будут поджидать неприятности. Да и густые заросли у берегов мелкой речушки – уж больно удобное место для засады.

Предчувствия его не обманули. Едва первые лошади коснулись копытами воды, из кустов затрещали выстрелы. Опытные казаки стремительно спешили, заставили лошадей лечь и, укрывшись за ними, как за брестером, ждали команду открыть огонь. Но командир медлил. Сражение Виткевича не пугало. Он прекрасно понимал, что старые кремниевые ружья даже в руках опытных стрелков-афганцев не смогут противостоять его хорошо вооруженному и обученному отряду. Но в горах людская молва бежит впереди всадника. И, дав бой однажды, ему наверняка пришлось бы сражаться у каждого следующего селения.

И Виткевич избрал другую тактику. Приказав казакам дать предупредительный залп в воздух, он принялся... читать наизусть суры Корана, повествующие о мире и гостеприимстве. И сердца правоверных мусульман дрогнули – они начали мирные переговоры, а затем и вовсе радушно пригласили путников к себе в гости. Недоразумение прояснилось за щедро накрытым столом, когда смущенные фарахцы не знали, каким еще угощением загладить вину перед посланным аллахом гостями.

Дело в том, что в Фарахе из поколения в поколение передавалась легенда о том, что под стенами этого города должно будет произойти великое сражение, которое не оставит от цветущего оазиса камня на камне. И на днях со стороны Сабзавара на взмыленном коне примчался посланец, который сообщил старейшинам, что с севера движется передовой отряд великого войска. Встревоженные жители все как один вышли на встречу этому отряду, решив защищать родной город до последнего живого мужчины. В описании таинственного посланца Виткевич без труда узнал своего британского коллегу. Провожали русских как лучших друзей и братьев: Виткевич не поскупился на щедрые дары местным старейшинам.

Теперь впереди лежал Кандагар – крупный политический и торговый центр Афганистана. Спутники Виткевича надеялись, что за его высокими стенами им удачи, наконец, отдохнуть после пережитых тревог и опасностей. Но сам разведчик был другого мнения. Кандагар, давно уже облюбованный англичанами, был не менее опасен, чем тесные ущелья и густые заросли «зеленки». Правда, Ян Викторович надеялся, что в результате переговоров ему удастся оставить за спиной надежных соратников России и Мухаммад-хана. Но и пренебрегать мерами предосторожности он не собирался.

Отряд разместился в богатом и престижном караван-сарае – восточной гостинице – Фатхуллы-аги. Приказав своим людям дожидаться его возвращения и носа не высовывать в город, Виткевич отправился на встречу с правителем Кандагара и его братьями. А вечером того же дня, расплатившись с почтенным Фатхуллой, и сообщив, что перебирается в Чорсу, Виткевич перевел казаков в более бедный Гильзайский квартал. Ночью караван-сарай Фатхуллы-аги сгорел дотла вместе со всеми постояльцами.

Остаток пути до главной цели – Кабула, являвшегося резиденцией Дост Мухаммад-хана – прошел без особых эксцессов. Мухаммад-хан радушно принял российского посланца. К этому времени афганский эмир уже принял решение не допустить господства англичан на своих землях и стремился заручиться поддержкой своего северного соседа. Существует легенда, согласно которой во время переговоров Мухаммад-хан угостил своего собеседника разрезанным гранатом. И при этом сравнил сам восточный плод с Афганистаном, а маленькие зернышки с населяющими его многочисленными племенами. Этим он хотел показать русскому гостю, насколько хрупок и непрочен мир в его стане: стоит сжать посильнее кулак, и брызнет алый сок, похожий на кровь.

Виткевич успешно выполнил свою миссию в Афганистане. На этот раз русская разведка переиграла британскую. Но, как нередко бывает в нашей стране, блестящие успехи одних сводятся «на нет» бездарными поражениями других. Возвращаясь на родину, Виткевич не знал, что это было его последнее задание на востоке. Как, впрочем, и в жизни.

В конце апреля 1839 года Виткевич отправляется в Петербург. Он уже знает, что его успехи в Афганистане оценены по достоинству: его ждал перевод в гвардию, орден и денежная награда. Впрочем, все это должно было лишь подсластить горькую пилюлю. Одобренная Азиатским департаментом Министерства иностранных дел деятельность поручика в Афганистане была совершенно напрасна. Пока казачий отряд лежал под пулями в Фарахе, русская дипломатия «сдавала» Афганистан англичанам без боя. Было принято решение не обострять отношения с «владычицей морей», и уступить ей этот бесплодный и дикий край.

На 9 мая Виткевичу была назначена аудиенция у императора. А утром этого дня он был найден мертвым в номере гостиницы «Париж». Здесь же находилась предсмертная записка, в которой Виткевич сообщал, что уходит из жизни добровольно и просит погасить его немногочисленные долги из причитающегося ему жалования.

Причина смерти этого необычного человека до сих пор остается загадкой. И ученые, и литераторы предлагают на суд читателей множество версий, наиболее частой из которых является версия о вмешательстве британской разведки. Впрочем, правильный ответ Виткевич унес с собой в могилу. Как и бесценные дневники, и архивы, в которых содержались отчеты о его афганский и среднеазиатской деятельности, и которые он сжег в камине незадолго до последнего выстрела.

Виктория Степкова

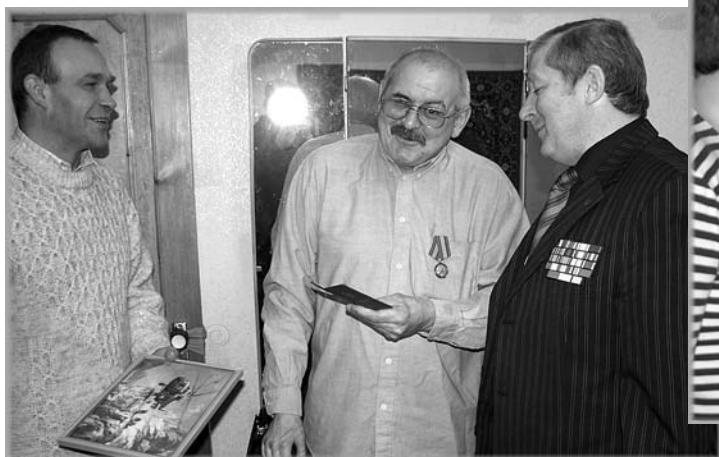
Афганские воины
(рисунок XIX в.)

НОВЫЕ ИНИЦИАТИВЫ ГОРОДСКОГО СОЮЗА ВЕТЕРАНОВ АФГАНИСТАНА

В течение 2006 года Харьковский городской союз ветеранов Афганистана провел много насыщенных мероприятий, оказывалась различная помощь ветеранам, инвалидам и семьям погибших, велась кропотливая ежедневная работа по оказанию социальной помощи нуждающимся воинам-интернационалистам. Появились и новые начинания.

Так например, накануне Дня инвалида 1-й заместитель председателя ХГСВА В. Борзов и заместитель председателя по работе с инвалидами Г. Ломакин нанесли визиты ко всем «афганцам»-инвалидам первой группы, вручили награды и подарки. В ходе бесед, выявлялись насущные проблемы хозяев и намечались пути их решения.

А председатель ХГСВА В. Коваленко и его заместитель по работе с семьями погибших Ж. Митрохина в дни рождений родителей погибших воинов-интернационалистов побывали у них в гостях. После поздравлений и вручения подарков они также выявляли неотложные проблемы и принимались решения об их устранении в ближайшее время.

Фоторепортаж подготовлен пресс-службой ХГСВА

Накануне Дня инвалидов, делегация в составе членов городского союза ветеранов Афганистана (ХГСВА) побывала на дому у всех инвалидов 1-й группы. Каждому из них была вручена материальная помощь, памятный сувенир и небольшой набор продуктов к Новому году. По представлениям председателей первичных организаций, за активное участие в ветеранском движении Геннадию Дегтяреву, Баходиру Равшанову и Владимиру Замостянскому были вручены медали комитета воинов-интернационалистов СНГ.

Беседуя с Андреем Лычевым и его сыном Егором, мы узнали, что большой проблемой для их семьи оказалось подключение DVD-плеера, выигранного сыном в лотерею. Жена Андрея (инвалида по зрению) — Виктория — далека от техники, а сынишка Егор — еще мал, ему всего 6-ть лет и читать он еще не умеет. Радости Егора не было границ, когда Николай Хорошев наконец-то подключил технику к телевизору и включил «мультитки». А каким сюрпризом для семьи был приезд Виктора Коваленко. Председатель ХГСВА лично посетил семью Лычевых, поздравил их с Новым годом, а Андрея с днем рождения, вручил памятный подарок — радиотелефон. Так еще одной проблемой у семьи стало меньше, ведь до этого телефонный аппарат не работал, и нормальной связи с Андреем не было.

Ряд наших товарищей, ограниченных в передвижениях, проживают на верхних этажах, зачастую — в домах без лифтов. Нас поразила картина в доме у Замостяных. Какие-то подонки раскурочили в подъезде лифт, поснимали алюминиевые детали, и двери в шахту лифта остались незакрепленными, представляя собой огромную опасность для жителей. Теперь Владимиру, слепому человеку, живущему на восьмом этаже, каждый день приходится ходить пешком на работу.

В один из дней мы побывали и у Михаила Ерохина (на фото справа). На пороге нас встретила своим приветливым звонким лаем семейная любимица — собачка Джессика. Как назвал ее Михаил — хозяйка дома. Наша дружеская беседа началась за чашкой кофе:

- Михаил, расскажи немного о себе.
- Родился в г.Харькове в 1964 году, окончил 8 классов 128-й школы, продолжил учебу в ПТУ №32, по окончании которого был призван в Армию. «Учебу» проходил в Ашхабаде, потом попал в Афганистан в мотострелковые войска. Наш 180-й полк стоял в Кабуле. Очень часто приходилось ходить в рейды в Чирикар, Джелалабад, Пандшер.

- А земляки-харьковчане служили вместе с тобой?
- В моей роте нет, а в полку были.
- А сейчас встречаешься с ними?
- Со всеми нет, а с некоторыми — иногда встречаюсь. Ведь жизнь нас всех разбросала... Часто вижу с Олегом Тищенко, реже с Сашей Денищевым. А вообще, через двадцать лет после возвращения из Афгана, у меня много друзей, знакомых. Они мне часто звонят, приходят в гости. Ежегодно встречаемся возле нашего памятника в день вывода войск — 15 февраля. И хочу сказать, что поддержка со стороны своих боевых друзей и моей супруги придает мне немало жизненных сил.

- Я вижу у тебя орден «Красной Звезды»... Далеко не каждый удостоен такой высокой награды СССР. Расскажи нам за что ты награжден?

- Этот орден я получил за операцию в Пандшерском ущелье в 1984 году. В бою с нашей стороны погибли два человека, один — получил тяжелое ранение, но группа бандитов была обезврежена. Часть «духов» взяли в плен. Командиры говорили, что главаря банды был правой рукой Ахмад Шаха.

- Что самое запоминающееся осталось у тебя от Армии?
- Свою службу помню, практически, всю. Никогда не забуду свой первый подъем в горы на Пандшер. Когда мы поднялись на вершину в три тысячи метров над уровнем моря, нас поразила необыкновенная красота снежных гор. Бывали и казусы, как например: поднялись налегке по боевой тревоге в горы, взяли «сухпай» и боекомплект на день, а пришлось по приказу задержаться на ночь, а тут еще и ветер поднялся — греться негде и пришлось всю ночь «танцевать» и только утром пошли за ватниками. Не забуду и свое первое боевое крещение. Чирикар, зеленка, и только начали проческу — обстрел. Свистят пули над головой и ничего не понятно, уже потом, когда ребята крикнули: «Ложись!», начал понимать, что ведь и убить могут, не на полигоне в Союзе находжусь.

- Свое ранение получил на этой же операции?
- Ранение свое я получил немного позже, но там же на Пандшере — в августе 1984 года. На своем последнем боевом выходе наша группа попала в ущелье в засаду. Мы шли в горы впереди батальона, как боевое охранение. Тогда с нашей ротой из 15-ти человек шло два сапера и рота сарбозов, человек двадцать. Остановились отдохнуть, было около четырех часов. Обстрел с ДШК и буров начался внезапно с трех сторон. В расщелине, где мы находились, спрятаться было негде, разве что посередине была гряда камней, за которой мы и попытались укрыться, а батальон был еще далеко. Бой продолжался минут пятнадцать, пока не подошли основные силы и не разблокировали нас. Тогда, в этом бою было ранено пятеро наших ребят, двое из которых тяжело и шестеро сарбозов. Одна из пуль попала и в меня, задела позвоночник. На плащпалатках меня с товарищем, после оказания первой медицинской помощи, подняли в горы и вызвали вертолеты, но этим вечером нам в госпиталь улететь не удалось — в горах «борты» сестр не смогли, госпитализировали лишь на следующее утро, когда нас спустили в долину. И началась жизнь в госпитале: сначала Баграм, потом перевели на месяц в Кабул, после чего на месяц в Ташкент, а затем на полгода во Львов. После ряда сложнейших

операций, при поддержке врачей, с большим трудом стал на ноги всего на несколько минут. А сейчас по крайней мере хожу с палочкой. После года скитаний по госпиталям и санаториям был комиссован и в августе 1985 года попал, наконец-то, домой. Долечивался уже в нашем областном госпитале для инвалидов войны. Понемногу начал передвигаться с двумя костылями. Когда получил от управления соцзащиты машину, поступил в училище на часовщика, по окончании которого работал почти три года в «Доме быта» мастером, но состояние здоровья не позволило работать дальше.

- Миша, скажи, а как ты познакомился со своей супругой, ведь далеко не каждая женщина решится связать свою судьбу с инвалидом, да еще и первой группы?

- Познакомил нас товарищ, вместе отмечали Новый 1997 год, некоторое время встречались и в итоге расписались. Я очень дорожу своей супругой, ведь она у меня самая лучшая. Она работает в больнице медсестрой. Виктория — моя самая надежная опора и поддержка.

- А сейчас с какими проблемами больше всего сталкиваешься? Как обстоят дела с лечением и оздоровлением?

- Проблем хватает, и, прежде всего, со здоровьем. Чтобы поддержать свое состояние здоровья, необходимо хотя бы раз в год ездить в санаторий, что не всегда получается: просто не всегда есть по профилю путевки. Ведь у нас всего два санатория для «спинальников» — Саки и Славянск. И попасть туда очень проблематично, а то, что обычно мне предлагают — не подходит. Разве что поехать отдохнуть, но не лечиться.

Так же и с автотранспортом. До 2004 года еще как-то ездил на своем «Запорожце», а после того как сдал его в «созбес» ожидаю новую машину. Но пока тишина полная, а без автотранспорта мне очень тяжело. Ведь, фактически, автомобиль — это мои ноги.

- Чем занимаешься сейчас? Вижу у тебя целая часовая мастерская на дому.

- Освоенное мною часовое дело и вообще мелкая работа механика приносит мне большое удовольствие и если есть что и чем, то всегда ремонтирую. Нашим ребятам-«афганцам» никогда не отказываю.

- А свое дело по ремонту часов хотел бы иметь?
- Было бы неплохо, но самостоятельно по состоянию своего здоровья не потяну — целый день сидеть я не смогу физически, а по-домашнему, ради удовольствия всегда рад позаниматься.

- Слышал, что ты сейчас работаешь?

- Да, один мой знакомый — Василий Стороженко — помог трудоустроиться на предприятие «Инфотех-Сервис», где я заправляю картриджи на принтеры. Коллектив у нас небольшой, дружный, если что всегда поддержат, пойдут на встречу и, вообще, считаю, что с работой мне повезло. На сегодняшний день трудоустройство инвалидов, их занятость — это одна из наиболее важных проблем. И другой раз дело даже не в мизерных пенсиях, которых всегда не хватает, но и в смысле жизни. Сидеть невостребованным в четырех стенах порой бывает просто невыносимо. А самому найти работу, да еще и с первой группой — просто нереально, ведь к каждому инвалиду нужен свой особый подход, свои условия труда, порой инвалиду-«опорнику» или «спинальнику» даже просто добраться до предприятия без личного автотранспорта невозможно...

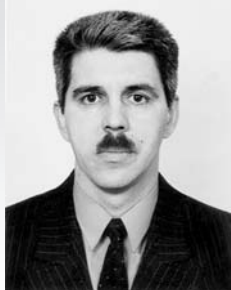
Анализ посещений дал свои как положительные, так и отрицательные результаты.

Хочу отметить, что далеко не все председатели районных организаций ХГСВА должным образом интересуются проблемами своих боевых товарищей, очень мало уделяют им простого человеческого внимания.

Отдел по работе с инвалидами и в дальнейшем будет продолжать практику посещений на дому. Ведь многие из них могут поделиться богатым жизненным опытом, оказав тем самым поддержку людям, попавшим в сложные жизненные ситуации.

Хочу выразить благодарность В. Чернышенко за организацию доставки наших инвалидов-колясочников на вечер памяти в ККЗ «Украина», где ребята, ограниченные в передвижении смогли увидеть и послушать знаменитую группу «Голубые береты».

Геннадий Ломакин

Удивляют меня сорокалетние мужики, ожидающие чудес. Они — чудеса — безусловно, случаются. Но, к сожалению, очень редко, и обычно не с нами.

Но мы все упорно ждем экономическое чудо от правительства страны, чудо справедливости от чиновников, организаторское чудо от вышестоящей организации... Так, когда же кто-то здесь, прямо сейчас, именно для нас и без нашего участия сотворит счастье?! Долго нам еще ждать?!

А помните, как Александр Македонский:

ПРИШЕЛ. УВИДЕЛ. ПОБЕДИЛ.

А ТОЧНЕЕ: НАМЕТИЛ, ПОДГОТОВИЛ И ПРОВЕЛ...

Перефразирую я великого полководца по той причине, что хочу затронуть вопрос проведения мероприятий общественными организациями ветеранов (ООВ)...

Продолжая тему моей статьи в апрельском номере «Интернационалиста» о бюджете ООВ, должен буду заметить, что и для решения вопроса финансирования организации, и для проведения любого мероприятия нужен лидер и коллектив единомышленников.

Безусловно, приятно олицетворять собой несколько сотен воинов-интернационалистов перед властными структурами. Само слово «руководитель» (или председатель) ООВ проливает несколько капель бальзама на душу. Да что там говорить, и вопросы житейские решить легче, если ты тот самый «руками водитель».

А озвучивать «глухие отмазы», типа: «Я бы с превеликим удовольствием сделал, да вот... бюрократы проклятые мешают» или «... средств у нас, к глубокому сожалению, нет», научиться не сложно. Достаточно вспомнить свои армейские годы...

Возможно, вышесказанное обидит какого-то руководителя ООВ. И совершенно зря! Потому что, если ты достоин этой должности, то вышесказанное к тебе не относится, и ты тянешь эту лямку наперекор житейским проблемам, не ожидая даже «спасибо» за свой труд. А если задело, то задумайся — нужна ли тебе и твоей семье эта «неблагодарная» должность?..

А теперь, давай, братишка, попробуем спокойно разложить по полочкам «чудо мероприятия».

На самом деле, ты и без меня знаешь, что такое «мероприятие» и с чем его едят. Поэтому я затронул данный вопрос для тех, кто не задумывался об этом. Ну, а ты дополнишь, если я не обо всем скажу.

Итак, проведение любого действия подразумевает выполнение четырех пунктов:

- ПРИДУМАТЬ интересное для многих членов ООВ мероприятие;

- тщательно ПОДГОТОВИТЬСЯ к его проведению;
- четко ПРОВЕСТИ;
- и благополучно ЗАВЕРШИТЬ.

Самым сложным, пожалуй, является первый пункт, так как нужна свежая идея и желание ее воплотить в жизнь. Причем идея и желание — неотделимы друг от друга. Вариантов может быть великое множество, но они должны быть реальны и выполнимы. К примеру, можно организовать турнир по шашкам, соревнования по волейболу, пикник с семьями на берегу реки и так далее. Главное, чтоб это было интересно, и практически все члены ООВ могли принять активное участие. Ведь любое массовое мероприятие организации не только создает головную боль и добавляет проблем организаторам. Оно, в первую очередь, дает очень много положительных аспектов для ООВ. Среди них я бы выделил:

- сплочение коллектива;
- разнообразие досуга;
- психологическую разгрузку;
- информационный резонанс;
- привлечение новых членов;
- укрепление авторитета руководителя.

Один из наших боевых братьев заметил: «Если не творить «чудеса», то организация быстро развалится». И он прав на 100%. При участии в работе любой общественной организации человек обычно не ждет материальных благ. Он надеется, что ему будет там интересно и полезно для здоровья. Отсюда вывод: чем больше для членов ООВ поводов встретиться, тем крепче и сильнее будет организация.

Готовиться к мероприятию нужно с составления плана и перечня затрат. Законспектированное коллегиальное обсуждение в дальнейшем не позволит забыть какую-нибудь досадную мелочь, которая испортит настроение.

Для примера возьмем соревнование по волейболу. Их можно провести в своем коллективе, а можно и межрайонное. На мой взгляд, соревнование между районами

— это более широкий масштаб. Да и азарт возрастет. И так, готовимся.

Собираем собрание или правление, выдвигаем идею, получаем поддержку и составляем план мероприятия со сметой расходов.

Примерный план:

1. Оповестить районы о намеченном соревновании (место проведения, дата, время, условия).

2. Проинформировать средства массовой информации, а через них и общественность о будущем мероприятии. Так как такое происходит, к глубокому сожалению, не часто, то народ заинтересуется.

3. Накануне проверить готовность к мероприятию.

4. Встретить корреспондентов, представителей общественности и команды. Зарегистрировать участников, провести жеребьевку.

5. Провести короткую торжественную часть по случаю предстоящего соревнования с участием авторитетного почетного гостя (председатель вышестоящей организации, глава райсовета, мэр города, губернатор штата, президент чего-нибудь). Перед началом игр возложить цветы к памятнику погибшим однополчанам (если он есть и расположен рядом с местом соревнований).

6. Провести первые отборочные игры, для того чтобы выявить сильнейших, которые будут бороться за призовые места.

7. После оглашения результатов первого круга объявить 20-ти минутный тайм-аут и угостить присутствующих чаем, кофе и сладостями.

8. Провести игры «на выбывание» для определения призеров.

9. Огласить результаты призового круга, вручить награды, поздравить победителей, объявить об окончании мероприятия и перейти к «шестому вопросу».

10. Привести в порядок место проведения соревнований.

Далее составляем смету расходов, расписываем пункты и назначаем ответственных.

Для проведения соревнования по волейболу, скорее всего, понадобятся:

- документация;
- волейбольные мячи (2-3 шт.) и сетка;
- спортзал или волейбольная площадка;
- дипломы и призы;
- цветы;
- чай, кофе, сладости и одноразовая посуда;
- набор для «шестого вопроса»...

Обязательно, для вовлечения в подготовительную работу членов ООВ, необходимо назначить ответственных по нескольким направлениям. А именно:

- нужно договориться об аренде спортзала, и приобрести мячи;
- из числа наиболее подготовленных членов ООВ создать команду организации. Ее состав можно отобрать во время тренировочных матчей между своими;
- определить администратора, который будет заниматься подготовкой документации соревнований, запол-

нять карточки и протокол, проводить жеребьевку, следить за порядком во время соревнований, подписывать дипломы победителям;

- назначить или пригласить судью соревнований;
- определить ассортимент «сладкого стола» и «шестого вопроса», подсчитать сумму и выделить деньги ответственному за эти вопросы. Сюда же входит сумма на покупку цветов;

- определить сумму на призовой фонд. При наличии спонсоров можно инициировать призы в номинациях. Например, «Лучший бомбардир» или «Лучший подающий»;

- оповестить потенциальных соперников и средства массовой информации, пригласить почетного гостя;

- назначить наиболее стойкого, который проследит за благополучным завершением мероприятия...

В какую сумму может обойтись такое мероприятие? Давай посчитаем. Примерно...

Мячи и сетка — 400 грн., аренда спортзала — 200 грн., цветы — 70 грн., дипломы с рамочками — 40 грн., чай, кофе и так далее — 400 грн., призы — 300 грн. Наш примерно-предварительный расчет составил 1410 гривен. При отсутствии взносов или другого финансирования придется «сбрасываться» членам организации. Если в ООВ более 30 человек, то интересно проведенный день будет стоить каждому члену около сорока гривен.

Много ли это — 40 гривен с человека? Если твой ответ — «да», то вспомни: сколько стоит билет в кинотеатр (полтора часа)? Сколько стоит поход в кафе (два-три часа)? В какую сумму обойдется культпоход в парк отдыха (два-четыре часа)?..

В нашем же случае: минимум полдня, а скорее всего — целый день за 40 гривен!..

А других положительных аспектов сколько?! Если забыл, то взгляни в начало статьи. Плюс ко всему, другие районы, глядя на пример твоей организации, устроят тоже какое-либо мероприятие. (Очень хочется в это верить.) И, естественно, пригласят нынешних организаторов к себе в гости. А как же иначе? Дух соревнования силен!

А если не могут организации других районов проводить мероприятия, то с какой целью их руководители морочат головы своим членам?..

Разумеется, приведенные выше в качестве примера план и смета не являются аксиомой. В каждом отдельном случае они будут варьироваться и адаптироваться.

Самое главное в этом вопросе это то, что благодаря твоей инициативе, твоими руками будет сотворено маленькое чудо. А это значит, ты — настоящий лидер, и тебе не безразлична судьба твоей команды.

А тот, кто хотел что-либо совершить, но думал, что все это слишком сложно, пусть возьмет за образец вышеизложенное...

Я уверен — все получится в лучшем виде!

Николай Хорошев, руководитель пресс-службы ХГСВА
На снимках: во время проведения I-го чемпионата Харьковской области по нардам среди ветеранских организаций, посвященного Дню пограничника. Организатор — Песочинский союз ветеранов Афганистана.

27 декабря 2006 года. День ввода советских войск в Афганистан. У памятника погибшим на афганской войне воинам-интернационалистам Харьковщины прошла панихида, которую провел отец Валерий — настоятель храма Св. Георгия Победоносца, ветеран войны в Афганистане.

16 января 2007 года в конференц-зале гостиницы «Киевская» состоялась встреча воинов-интернационалистов Харькова и области с председателем УСВА, народным депутатом Украины С.В. Червонописким. На этой встрече Сергей Васильевич проинформировал харьковских «афганцев» о принятых Верховной Радой Украины статьях бюджета на 2007 год и о готовящихся к рассмотрению законопроектах, которые тем или иным образом имеют значение для участников боевых действий, инвалидов и семей погибших.

Фоторепортаж подготовлен пресс-службой ХТСВА